

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-08-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-08-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович — доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович — доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович — доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович — доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сценди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна — доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, вns, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shorty@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jylarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрация ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музеиных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, yavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich — Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of

Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scandi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstraße 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstätt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO

University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod

State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-

in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq. 243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov
Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture
and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab.
Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the
Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str.,
66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management
(branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035,
Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031,
Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor
of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza,
99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher,
Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance,
53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

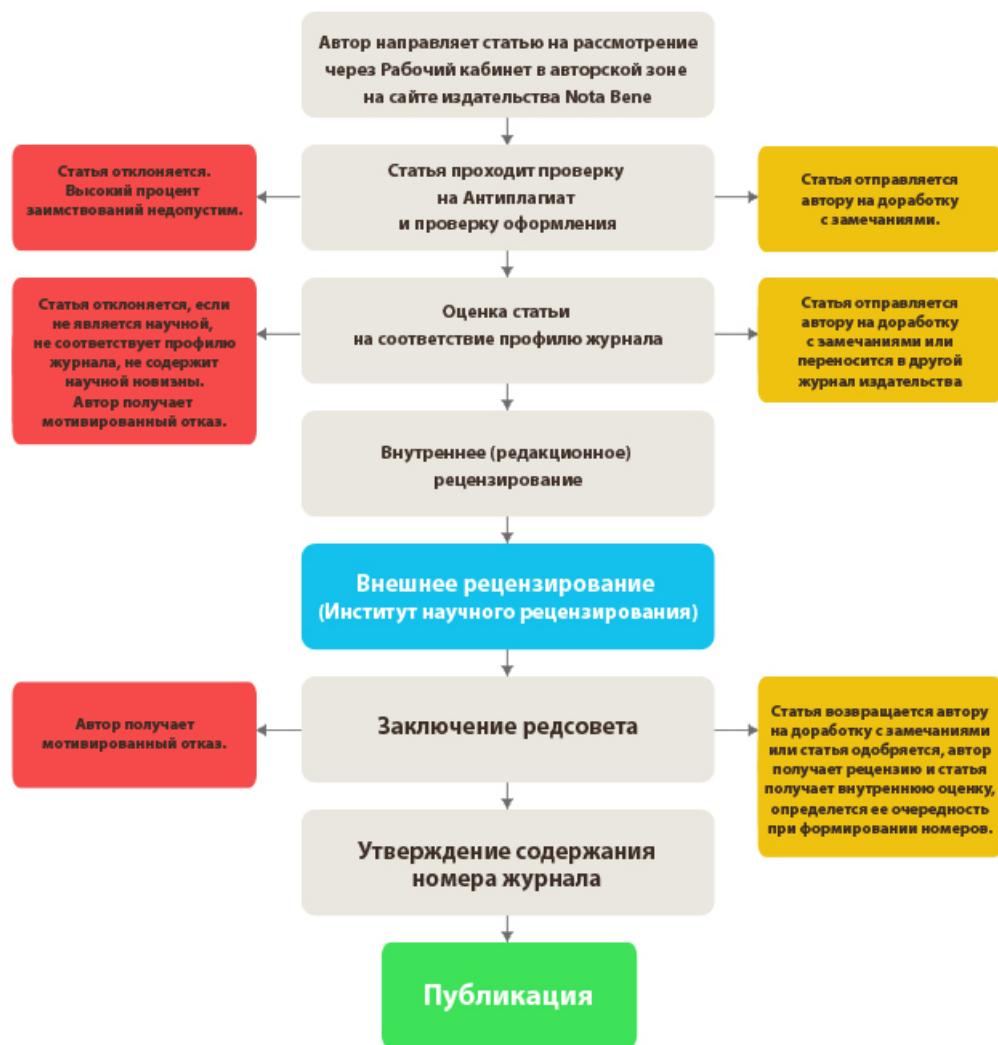
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Косорукова А.А., Фролова М.Н. Восприятие этики Сократа в философии морали Ф. Ницше: преодоление метафизики и ее «вечное возвращение»	1
Емельянов А.С. Ленин и Мейасу: Возможен ли спекулятивный материализм?	13
Свергузов А.Т. К вопросу о диалектике научного познания в отечественной философии: проблема взаимосвязи рефлексии и рациональности	25
Васюков Р.В. Идеи ресентимента и бюрократического единства в философии социального управления	39
Михан Р.И. Философия любви Жиля Делеза	48
Англоязычные метаданные	61

Contents

Kosorukova A.A., Frolova M.N. The Perception of Socrates' Ethics in F. Nietzsche's Moral Philosophy: Overcoming Metaphysics and its "Eternal Recurrence"	1
Emel'yanov A.S. Lenin and Meillassoux: Is Speculative Materialism Possible?	13
Sverguzov A.T. On the question of the dialectic of scientific knowledge in Russian philosophy: the problem of the relationship between reflection and rationality	25
Vasiukov R.V. The ideas of resentment and bureaucratic unity in the philosophy of social management	39
Mikhan R.I. The philosophy of love by Gilles Deleuze	48
Metadata in english	61

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

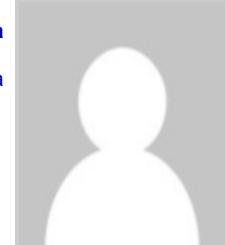
Косорукова А.А., Фролова М.Н. Восприятие этики Сократа в философии морали Ф. Ницше: преодоление метафизики и ее «вечное возвращение» // Философская мысль. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.6.70863 EDN: KCVIHO URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=70863

Восприятие этики Сократа в философии морали Ф. Ницше: преодоление метафизики и ее «вечное возвращение»**Косорукова Александра Андреевна**

старший преподаватель; кафедра этики; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10к2

✉ a.kosorukova@yandex.ru

Фролова Маргарита Николаевна

студент; этики; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1132223181@rudn.ru

[Статья из рубрики "Этика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2024.6.70863

EDN:

KCVIHO

Дата направления статьи в редакцию:

28-05-2024

Дата публикации:

18-06-2024

Аннотация: Предметом исследования является рассмотрение восприятия этики Сократа в философии Ницше как теоретического основания для формирования ключевых положений ницшевской философии морали, в частности – возможных элементов метафизического мышления в данных положениях. Критическая аргументация Ницше в

отношении философских воззрений Сократа была рассмотрена как основание не только общефилософских аксиом последнего, но, прежде всего, для ключевых положений философии морали Ницше, в частности в аспекте ее связи с вопросом о метафизике. Фокусом авторского исследования является анализ восприятия сократовских идей в контексте критики проекта метафизики у Ницше через призму морали: идея самопреодоления и возрастающей воли к власти оказываются основанием для понимания нового проекта Ницше в философии морали. Методология исследования включает в себя теоретические методы, историко-философский и этико-философский анализ рассмотрения философии и этики Сократа у Ницше, и влияния данного рассмотрения на этическую позицию последнего. В качестве исследовательского основания в статье задействованы подходы Ж. Делеза, Л. Клагеса, А.Ф. Лосева, Л. Шестова, В.М. Бакусева. Новизна статьи заключается в прослеживании влияния сократовской этики на постановку проблемы морали у Фридриха Ницше, особенно в аспекте вопроса о метафизике в этической мысли Ницше (как критики метафизики, так и продолжения некоторых линий метафизической традиции). Первая линия критики Ницше сократовской философии, заключалась в выявлении влияния Сократа на возникновение европейского нигилизма (утрата дионаисийского, трагического начала культуры). Вторая мысль Ницше, по отношению к Сократу, касалась «теоретического человека». Было проанализировано, как образ Сократа как «просветителя», основателя рационалистической морали, подвергается у Ницше критике как источнику появления новой ипостаси человеческого бытия - «теоретического человека». В связи с этим показано влияние на выстраивание концепции человека у Ницше через преодоление «теоретического человека» (преодоление утраты воли к власти, переоценка всех ценностей, сверхчеловек). Третьей идеей, которую можно обозначить как одну из важнейших черт философии морали Ницше, была рассмотрена идея самопреодоления (параллелизм с бесконечным поиском знания у Сократа, при этом преодолевающая самого «теоретического человека»).

Ключевые слова:

Ницше, Сократ, философия, этика, мораль, метафизика, нигилизм, дионаисийское, аполлоническое, воля

Фигура Фридриха Ницше и его философские идеи вскрывают и в полной мере иллюстрируют кризис европейской мысли. Осознавая глубокий кризис европейской культуры и классической философии, Ницше исследует формирование изначальных истоков как первого, так и второго феномена. Критическое умонастроение пронизывает всю философию морали Ницше. Она представляет собой этическую концепцию, которая основывается на критике предшествующих этических концепций, рационального гуманизма, любого рода догматизма и идеализма. Метафизический конструкт как яркое выражение застывших абстрактных определений также становится объектом его критики. Ведь вся предшествующая философия, в которой Ницше видит несостоятельность, в сущностном отношении связана с метафизикой. В метафизике Ницше критикует разделение мира на иллюзорный, бессмысленный и истинный, целесообразный: «У философов существует предубеждение против иллюзорности, изменчивости, страдания, смерти, телесности, чувств, рока и необходимости, против бесцельного» [\[1, с. 236\]](#).

Ницше проводит прямую параллель такого рода метафизики с феноменом морали: «Со времен Платона философия находится под властью морали. Еще у его предшественников

в философию решительно вторгаются моральные объяснения... Прогресс философии больше всего задерживался до сих пор скрытыми моральными побуждениями» [\[1, с. 238\]](#). Поэтому критикуя метафизические проявления, Ницше в первую очередь, критикует саму мораль. По мысли немецкого философа, оправдание и утверждение морали посредством метафизического обоснования не должно являться задачей философии. Поэтому Ницше и говорит о преодолении метафизики как о возможности рождения нового человека, не «стесненного» догматами религии и морали. Поскольку в основе метафизического мышления лежат моральные суждения, которые выражаются в бинарно оценивающем мышлении, по мнению Ницше, от подобного следует отказаться.

Несмотря на радикальную критику идей классической философии, Ницше не выпадает из историко-философской традиции. Его мышление формировалось под влиянием множества философов, начиная от Сократа, Платона, Эпикура и заканчивая Гёте, Шопенгауэром и Паскалем. Какие-то их идеи немецкий мыслитель впитал и отразил в своей философской концепции явным образом, что-то (к примеру, критическое умонастроение в отношении Сократа) было рождено в результате контрастного мышления, критически-скептических умозаключений.

Фигура Сократа как основоположника этического рационализма

Сократ справедливо считается одним из тех мыслителей в истории философии, кто подверг сомнению общепринятую модель жизни и задумался о нравственном образце. Первостепенной и фундаментальной задачей Сократ полагал заботу о душе, все остальное являлось второстепенным, а потому и не стоящим особого рассмотрения. Он «пренебрег всем тем, о чем заботится большинство – корыстью, домашними делами, военными чинами, речами в народном собрании, участием в управлении, в заговорах, в восстаниях» [\[2, с. 106\]](#). Платон, воспринявший сократовское умонастроение и посвятивший своему учителю внушительное количество страниц в своей серии диалогов, «стремился показать роль и значение мыслителя, который первым среди философов предпринял исследование идеального и провозгласил бытие идеального в качестве реальности не менее подлинной и действительной, чем бытие чувственно воспринимаемых вещей» [\[3, с. 14\]](#).

В противоположность господствовавших до того времени натурфилософским методам, которые были нацелены по преимуществу на познание космологических первоначал, Сократ стремился к знанию, которое было способно выразить «человеческую сущность». В отличие же от популярных в его время учений софистов, перед ним стояла совсем «инная задача», а именно – переосмыслить устоявшиеся общественные представления и убеждения «не затем, чтобы доказать, что истины нет и не может быть, а только затем, чтобы показать, что в них нет истины и что истину нужно искать в ином месте» [\[4, с. 126\]](#).

В знаменитом дельфийском изречении «Познай самого себя» раскрывается суть и глубочайший смысл этических воззрений Сократа. Ксенофонту в своем труде удалось схватить сократовское истолкование этой дельфийской заповеди: «Кто знает себя, тот знает, что для него полезно, и ясно понимает, что он может и чего он не может. Занимаясь тем, что знает, он удовлетворяет свои нужды и живет счастливо, а не берясь за то, чего не знает, не делает ошибок и избегает несчастий. Благодаря этому он может определить ценность также и других людей и, пользуясь также ими, извлекает пользу и оберегает себя от несчастий» [\[5, с. 78\]](#). Таким образом, сократовское самопознание было сопряжено с осознанием человеком собственной автономии, постижении и в дальнейшем

развертывании своей подлинной сущности как свободного существа, руководствуясь нравственными принципами.

Понятие добродетели у Сократа формируется как главное человеческое качество. И это качество, приобретает конкретные формы, а именно утверждается в форме знания. Приобретение любого знания подразумевает определенную рефлексию, а, следовательно, для рассуждения о добродетели в качестве знания необходим разум. По мнению Сократа, именно человеческий разум необходим для совершенствования человеческой натуры, достигнутые посредством разума знания способны преобразовать личностное бытие. Рационалистическое начало может позволить человеку целесообразно использовать полученные знания как орудия преобразования характера. Таким образом, Сократ является тем, кто впервые наделяет мораль рационалистическими характеристиками, делая из нее сугубо рациональное явление. Именно этот «переворот», переход морали в рациональное поле, а в дальнейшем и не только морали, а вообще всего философского наследия, несмотря на все восхищения превалирующей части философских исследователей, по мнению же Ницше, является грубой, даже фатальной ошибкой.

Критика сократовской философии у Ницше

Критическое восприятие и творческое переосмысление философии Сократа у Ницше можно найти уже в «Рождении трагедии...», где он описывается появление фигуры Сократа как «теоретического человека». Такое представление о человеке было чуждо греческой культуре того периода, и «теоретический человек» в ее рамках, по мнению Ницше, выглядел несуразно и неуместно. Более детальное рассмотрение проблемы философ предлагает в своей работе «Сумерки идолов». Ницше предпринял попытку осмысливать значение и влияние фигуры Сократа на развитие философской мысли, и в не типичном для многих исследователей исключительно положительном и восторженном ключе.

Ницше утверждает, что сократовский акцент на самопознании становится своего рода спасительным якорем и средствомнейтрализации человеческих страстей. «Природные побуждения хотят сделаться тиранами; нужно придумать другого тирана, который обуздал бы их, был бы сильнее их...» Что сделал Сократ? Он предложил собственное средство, собственный язык, долженствующий спасти греков» [...] [\[6, с. 26\]](#).

Согласно важнейшей философско-культурологической концепции Ницше, два начала человеческой природы – аполлоническое и дионисийское – находятся в постоянном антагонизме и взаимодополнении. След этого взаимодействия находит свое отражение, в первую очередь, в сфере искусства трагедии. Сама природа аттической трагедии в корне отличалась от других культурных феноменов, которые по своей сути всегда являлись порождением какого-либо из начал: либо аполлонического, либо дионисийского. Как пишет Лосев: «Трагедия возникает как аполлинийское зацветание дионисийского экстаза и музыки»[\[7, с. 7\]](#).

Гибель греческой трагедии порождает совершенно новое явление для греков того времени, понятие «теоретического человека». Теоретический человек явно иллюстрировал возникший раскол, природу которого так стремился осмыслить Ницше. Философ берет на рассмотрение фигуру Сократа в качестве яркого представителя этого деструктивного для Ницше процесса. Внутренняя борьба в аполлоново-дионисийской оппозиции коснулась и всего греческого общества, о чем Ницше говорит следующим образом: «Его (Сократа) случай был в сущности лишь крайним случаем, лишь самым

бросающимся в глаза из того, что тогда начинало становиться всеобщим бедствием...» [\[18, т.2, с. 569\]](#).

Для Ницше именно трагическое искусство является подлинной формой восприятия мира. Философ считает, что стремление Сократа и античной философии лишь к разуму не есть возвращение к истокам добродетели, это болезнь, которая «сопротивляется инстинктам» [\[9, с. 570\]](#). Уравнивание добродетели со знанием и счастьем, которое постулирует Сократ, для Ницше также видится тотальным заблуждением, ведь в понимании немецкого философа счастье сопряжено с инстинктивной и «посюсторонней» природой человека: «Пока жизнь восходит, счастье равно инстинкту» [\[9, с. 567\]](#).

Таким образом, Сократ для Ницше является полным воплощением ряда проблем, актуальных для греческого общества того времени. Отталкиваясь от Сократа как наиболее яркого символа распада греческой культуры, Ницше смог рассмотреть целый ряд важных вопросов не только о развитии философии в историческом контексте, но и о ее самоопределении. На примере конкретного культурно-исторического периода и возникших там «проблемы Сократа» и «трещины в бытии», Ницше указывает на внутреннюю проблему уже современной философии.

Ярко выраженная симпатия Ницше к дионисийскому человеку имеет под собой достаточно определенные основания: дух дионисийства в полной мере соотносится с самой жизнью, растворяется в ней. Интересным образом про это пишет французский мыслитель Ж. Делез, говоря о Дионисе и отмечая преодоление индивидуального в дионисийском: «..., он сокрушает индивида, влечет его за собой к великой катастрофе и погружает в изначальное бытие. Таким образом, он воспроизводит противоречие как боль от индивидуации, но разрешает оба состояния в высшем удовольствии, причаща нас к сверхизобильности единственного в своем роде бытия или вселенской воли» [\[10, с. 52\]](#).

Диалектика Сократа, принцип индивидуации, воплощением которой является фигура Аполлона – это серьезный удар по трагическому восприятию мира, трагедии. Дионис для Ницше – это символ витального начала, утверждающего жизнь и далекого от логики оправдания ее. Сократ, по Ницше, противостоит трагическому, отделяя его от аполлонического, создавая искусственную пропасть, а также изменение оценок роли дионисийского. «Между тем как у всех продуктивных людей инстинкт представляет утвердительную и творческую силу, а сознание — силу критическую и отрицающую, у Сократа инстинкт становится критическим, а сознание — творящим» [\[10, с. 56\]](#), - пишет об этом Ницше, указывая на противопоставление Сократом идеи и жизни.

Исследователь ницшевской мысли о матрице европейской культуры В. Бакусев подчеркивает важность для Ницше мысли о том, что греки были первооткрывателями идеала как сознательной идеи и теми, кто возвел абстрактно-логическое мышление в абсолют. Таким образом, разум, отождествленный с идеалом, замещает собой реальность, более того, становится источником, из которого эта реальность начинает следовать. «Такое понимание вело их прямиком в область иллюзии, причем, значения иллюзорности и реальности у них поменялись местами в сравнении с фактическим положением дел в психике» [\[11, с. 11\]](#). Вся дальнейшая история европейской мысли так или иначе концентрируется на развитии по преимуществу абстрактно-логических форм осмыслиения действительности, и эта неотвратимость в развитии была заложена, согласно Ницше, в первостепенную очередь самим Сократом и последующими после него

великими учителями древнегреческой мысли. Бакусев пишет об этом следующим образом: «форсированное развитие абстрактно-логического мышления» происходит за счет и в ущерб естественной психической целостности (болезненное расщепление человеческой природы) с целью хищнической эксплуатации жизни, то есть запасов общей психической энергии, со стороны комплекса «я»» [\[11, с. 12\]](#).

Отношение важнейшего исследователя ницшевской критики рационализма Льва Шестова к Сократу можно усмотреть в большом количестве его работ. Разум Сократа порабощает как самого человека, так и всю творческую составляющую. По его мнению, от культа рационалистической традиции Сократа стоит отказаться. «Мы все соблазнились его мудростью, которая до сих пор держит нас в плену» [\[12, с. 37\]](#).

Схожесть взглядов Шестова с Ницше по поводу Сократа заключается и в несогласии противопоставления идеи самой жизни. О подобном подходе высказывается Ж. Делез, называя древнегреческого философа «первым гением декаданса» [\[10, с. 56\]](#). Неприятие Ницше фигуры Сократа, а именно запущенной им программы «теоретического человека», которое по мнению философа губительно отразилось на самом феномене мышления и его последующим развитии, явно указывают на отрицание немецким философом благого влияния Сократа. Но, что если сам Ницше был подвержен сократизму? Данную тему освещает Людвиг Клагес в своей книге, посвященной исследованию, как философских воззрений Ницше, так и самой его личности. Клагес указывает, что ярый скептицизм Ницше в некой степени зиждился на сократовском умонастроении, так же, по мнению философа, скепсис и сократизм по сути есть нечто схожее, а именно «две разных формы проявления нигилизма в рамках рациональности» [\[13, с. 188\]](#).

В своей ранней работе «Об истине и лжи во вненравственном смысле» Ницше критикует сложившееся представление об истине, но при этом не отказывается от ее поиска. Тема интеллектуальной честности как возможности для осознания границ своей компетенции и доведения суждений до состояния согласованности с рассудком есть проявление сократической философии в ницшевской мысли. Но что особенно интересно, у самого Ницше присутствует термин «интеллектуальная совесть», который по своей природе очень схож с этой «интеллектуальной честностью». Для Сократа объективная истина уже изначально пребывает в человеческом разуме, посему его майевтика, как метод философствования, направлен на извлечение скрытых знаний. Поиск истины для Ницше не лежит в области долженствования, собственно, как и призыв к рассудочности – не гарант для получения истины. Ницше определяет интеллектуальную совесть следующим образом: «Я подмечал у иных благочестивых людей ненависть к разуму, и был им за это признателен: по крайней мере здесь выдавала себя еще хоть злая интеллектуальная совесть» [\[14, с. 34\]](#). И далее «для большинства нет ничего унизительного в том, чтобы просто верить во что-нибудь и жить сообразно этому, не задумываясь особо об исходных причинах, не взвешивая все за и против, не утруждая себя поиском каких бы то ни было аргументов» [\[14, с. 33\]](#). Порицаемая Ницше рассудочность, уже не столь категорично им отбрасывается, напротив философ словно видит в ней необходимость для избавления каких-либо заблуждений. Разве это не проявление духа сократической диалектики?

Если для Сократа критерий познания неразрывно связан с разумом, то для Ницше он кроется в самой жизни. Поскольку феномен жизни является для философа господствующей силой, то именно он должен определять познание. Жизнь у Ницше есть проявление непосредственной естественности в человеке, достижение которой и является конечной целью разума, настроенного на интеллектуальную совесть. Ницше

безусловно экзистенциальный мыслитель, его философия пронизана темой витальности. Идеалистические конструкции, оторванные от реалий жизни, не соотнесенные с человеческим опытом, в понимании Ницше, есть нечто закостенелое, мертвое и едва ли имеющее право на существование.

Рационалистическая традиция есть, по мнению Ницше, ничто иное, как выражение той же болезни вырождения. Выражением болезни Сократа был его поворот к диалектическому методу, который описывался философом как «последнее оружие, как месть угнетенного». «До Сократа, пишет Ницше, - в хорошем обществе чурались диалектических манер: они считались дурными манерами, они компрометировали ... Что сперва требует доказательства, то имеет мало ценности. Всюду, где авторитет относится еще к числу хороших обычаев, где не «обосновывают», а повелевают, диалектик является чем-то вроде шута...» [\[9, с. 565\]](#). Причиной такого показного презрения к диалектике и доказательству как таковому Ницше видит наряду с мотивами «реванша угнетенного» (то есть несвободы) также и опасность «тиrания мысли». Диалектика, как далее пишет Ницше, «В качестве диалектики имеешь в руках беспощадное орудие: с ним можно стать тираном; побеждая, компрометируешь. Диалектик предоставляет своему противнику доказывать, что он не идиот...» [\[9, с. 565\]](#).

Ницше видит в диалектике, при том, что она основана на объединении противоположностей, неспособность уживаться с трагическим действом. Диалектика (и доказательное мышление в целом) оказывается слишком односторонним в своем стремлении упорядочить реальность и обосновать ее логически. «Ибо кто же в состоянии не замечать оптимистический элемент в самом существе диалектики: она спрятывает свое торжество в каждом умозаключении и может дышать лишь в атмосфере ясности, сознательности и прохлады, этот оптимистический элемент, единожды внедрившись в трагедию, со временем непременно заглушит все зоны, где произрастает дионасийское, и неизбежно приведет его к самоуничтожению, доведет до того, что оно перескакнет прямо в мещанскую драму» [\[8, с. 142-143\]](#). В данном понимании диалектики ее критика у Ницше и есть критика метафизики – мышления обосновывающего и однозначно регламентирующего, которое Ницше связывает с фигурой Сократа.

Этика Сократа как вопрос о метафизике морали у Ницше

Из критики философских воззрений Сократа во многом формируются ключевые положения философии морали Ницше. Рассмотрение данных положений в ключе вопроса о том, насколько Ницше преодолевает метафизические черты мышления, а насколько оставляет их, дает возможность ответить на вопрос о характере феномена морали в структуре мысли самого Ницше. Сначала проанализируем, что Ницше ставит целью преодолеть в сократовской этике. Затем обозначим иные параллели между этическими идеями Сократа и моральным вопрошанием Ницше.

Первое, с чего следует начать, говоря о преодолении Ницше сократовских воззрений («теоретического человека»), это преодоление разделенности аполлонического и дионасийского начал культуры в этике. Аполлонический дух, в котором Ницше чувствует «запах разложения», низводит, как он образно выражается, всю полноту и буйство жизни в иллюзию. Сила такого духа, скрытая в разумности, подрывает основы самой жизни и губительно отражается на творческой, а значит и созидательной составляющей. Философия Сократа, пронизанная аполлоническим умонастроением, становится, по Ницше, разрушительницей жизни и обращается против самой себя. Вместо рождения жизнеутверждающей мысли, она ставит под сомнение и даже встает на путь отрицания

феномена жизни. Каким же образом? Противопоставляет ей «высшие ценности», с которыми жизнь должна соотноситься, в противном же случае, при отсутствии сопоставления, жизнь теряет свою активную силу и даже подвергается обесцениванию.

Второе положение, которое стремится утвердить Ницше в философии морали, в отличие от сократовской этики, заключается в ином понимании состояния поиска истины. И хотя по форме данной идеи Ницше и Сократ скорее похожи (и тот, и другой говорят о бесконечном поиске и уточнении понятий). Однако, Ницше подчеркивает недостаточное соответствие мысли Сократа своей же формуле. Ницше видит (или желает видеть) Сократа следующим образом: сократическая формула, заключающаяся в соотнесении любого убеждения с разумом, дает гарантию на его правильность и истинность. Однако, твердая уверенность в безусловной истине порождает критическое умонастроение в отношении отличных по содержанию убеждений. Ницше акцентирует внимание на постоянном вопрошании, на извечном поиске истины, человек, находящийся в состоянии становления, открыт миру, и видит гораздо шире и больше, не спотыкаясь при этом на различного рода убеждениях, которые могут производить впечатление безусловных истин. «Убеждения суть более опасные враги истины, чем ложь» [\[8, Т.1, с. 453\]](#). Человек убежденный в том, что нашел достоверный путь поиска истины, по Ницше, более чем склонен к заблуждению. «Виновность» Сократа в данном умонастроении, т.е. соотнесение любого феномена с рационалистической традицией достаточно спорна, но его влияние на развитие подобной установки последующими мыслителями, которая в дальнейшем становится своего рода тенденцией, явно прослеживается.

Третья характеристика (объединяющая первые две), в которой Ницше «винит» Сократа, есть дух упадка, нигилизм. Ницше видит в Сократе все симптомы понятия «decadence». Он ставит в упрек сопротивление Сократа «трагическому миросозерцанию», противопоставление разумности в отношении активной жизни, принижении ее значимости в угоду соответствуя высшим ценностям и безусловной истине. По Ницше, нигилизм понимается здесь как самая общая «проблема» Сократа. Ответом на вмененный Сократу нигилизм, в мысли Ницше, становится идея самопреодоления, самовозрастания воли к власти [\[15, с. 414\]](#). Воля к власти видится как инстанция преодоления «теоретического человека», при чем внимание Ницше к воле как внетеоретическому, даже иррациональному, началу в человеке и является важнейшим различием этических воззрений двух мыслителей.

В вышеобозначенных структурах мысли Сократа, которые Ницше обозначает как предмет преодоления, тем не менее, содержится уже то, что Ницше вольно или невольно продолжает в своей мысли. В случае с дилеммой аполлонического и дионисийского Ницше, обвиняя Сократа в забвении второго начала, стремится воссоздать образ утраченного единства. И если Сократ, по Ницше, ответственен в абсолютизацию аполлонического в ущерб дионисийскому, то правомерно задать вопрос, не использует ли Ницше подобную, но обратную абсолютизацию – дионисийского, которое не терпит системы в мысли Ницше настолько, что сам Дионис оказывается в одном из самообозначений Ницше «распятым» (уничтожившим самим себя?).

В случае с идеей вечного становления напрашивается параллель с образом нескончаемого прогресса в истине, которое стало хрестоматийным для понимания важнейшей основы мысли Сократа о знании и добродетели. «Я знаю только то, что ничего не знаю», - так называемая третья аксиома сократовской мысли, наряду с тезисом эвдемонизма и отождествлением добродетели и знания [\[16, с. 92\]](#). Ницше, возможно, более, чем кто-либо другой в истории европейской философской мысли,

вторит структуре вечного становления истины у Сократа. И если из данного тезиса вырастает могучая традиция рационалистической этики, то идея вечного становления Ницше, как минимум, может если не быть основанием рационалистического в этике современности, то, как минимум, может сосуществовать с ним.

Что касается третьего «пункта преодоления» Ницше Сократа – нигилизма, здесь также видны пересечения двух предыдущих метафизических структур мысли: единства противоположностей витальности и рационального, а также вечного становления. Нигилизм как тема Ницше может трактоваться не только с точки зрения разрушающего ценности витального порыва. Но, например, как видит К. Ясперс, нигилизм в философии Ницше может выражать «1) аспект критики общезначимого, всеобщего в человеке, и как результат – акцентирование индивидуально-экзистенциального плана существования морали; 2) аспект преодоления ограниченности моральных оценок через положительное принятие богатого спектра их форм в становлении» [17]. И если не ограничивать метафизику как структуру мысли только вопросам об общезначимых категориях, то общим у Сократа и Ницше можно увидеть и поиск экзистенциального пути рождения истины о морали (майевтика Сократа, афористический стиль Ницше), и преодоление ограниченности моральных оценок как чего-то шаблонного, формального, застывшего.

Выводы и результаты

Критическая аргументация Ницше в отношении философских воззрений Сократа была рассмотрена как основание для ключевых положений философии морали Ницше, в частности в аспекте ее связи с вопросом о метафизике. Были проанализированы основания восприятия Ницше сократовской этической мысли, обозначены ключевые моменты несогласия и постулирование Ницше необходимости их преодоления.

В многообразии восприятий ницшевской критики Сократа были выделены ключевые моменты, которые в целом составляют основу того, что Ницше хотел преодолеть в сократовском «теоретическом человеке». При этом было выявлено и то, что может быть понято как продолжение сократовских идей в концепции морали Ницше.

Суммируя вышерассмотренные положения философии морали Ницше и его проекта преодоления метафизики на материале сократовской этики, нужно отметить следующие следствия данного проекта. В противоположность многим работам, анализировавшим восприятие фигуры Сократа в общефилософских воззрениях Ницше, фокусом работы является рассмотрение вопроса о влиянии Сократа на возникновения европейского нигилизма (утрата дионасийского, трагического начала культуры как основы утраты высших ценностей). Отсюда следует мысль Ницше о Сократе как создателе и выразителе «теоретического человека». Было проанализировано, как образ Сократа как «просветителя», основателя рационалистической морали, подвергается у Ницше критике как источник появления новой ипостаси человеческого бытия - «теоретического человека». В связи с этим показано влияние на выстраивание концепции человека у Ницше через преодоление теоретического человека. Обобщающей идеей, которую можно обозначить как одну из важнейших черт философии морали Ницше, была рассмотрена идея самопреодоления. При напрашивающемся параллелизме с бесконечным поиском знания у Сократа можно сделать вывод о том, что в данной идее у Ницше преодолевается сам теоретический человек. Данная идея также лежит в основе структуры мысли о воле к власти, которая в случае ее самовозрастания понимается Ницше как основания не только бытия, но лучшего бытия, а значит, морали в ее высшем смысле.

Библиография

1. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. – 880 с.
2. Платон. Апология Сократа. В кн.: Платон. Соч.: В 3 т. М: Мысль, 1968-1972. – 194 с.
3. Кессиди Ф.Х. Сократ. М: Мысль, 1988. – 220 с.
4. Шестов Лев. Сократ // Вестник русского христианского движения. 2000. №180 (I/II). С. 116 – 129.
5. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. В кн.: Антология педагогики взрослого человека: Ксенофонт Афинский / Сост., вступит. статья, закл. и сопровождающие разделы статьи М.К. Ветошкиной, В.К. Пичугиной; comment. А.Ю. Можайского, В.К. Пичугиной / Под общей редакцией В.К. Пичугиной. М.: Аквилон, 2020 Книга IV, гл. 2. – 304 с.
6. Ницше Ф. Падение кумиров: сборник / Фридрих Ницше ; пер. с нем.-Спб. : Азбука-Аттикус, 2019. – 224 с.
7. Лосев А.Ф. Фр. Ницше // Ницше: pro et contra. СПб.: издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 981 - 992.
8. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Соч.: В 2 Т. М: Мысль, Т.1, 1990. – 833 с.
9. Ницше Ф. Сумерки идолов / Соч. в 2-х т. Сост. К.А. Свасьян, пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Н. Полилова, К.А. Свасьяна, В.А. Флёровой. М.: Мысль. 1996. – 829 с.
10. Делёз Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2010. – 394 с.
11. Бакусев В. Лестница в бездну. М.: Культурная революция, 2011. – 295 с.
12. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: Рипол-Классик, 2020. – 312 с.
13. Клагес Л. Психологические достижения Ницше. М.: Культурная революция, 2016. – 250 с.
14. Ницше Ф. Веселая наука. М: Азбука-Аттикус, 2023. – 352 с.
15. Ясперс К. Ницше: Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2004. – 629 с.
16. Гусейнов А.А. Античная этика. М: Либроком, 2017. – 288 с.
17. Косорукова А.А. К. Ясперс и М. Хайдеггер о понятии нигилизма в философии Ф. Ницше // Проблемы этики: философско-этический альманах. Выпуск 1. М.: Современные тетради, 2008. С. 42-52.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тему рецензируемой статьи трудно признать новой, оценка Ницше образа Сократа, как и множества других фигур или направлений античной философии, неоднократно давались в историко-философской и историко-этической литературе, в том числе, отечественной. Разумеется, это не значит, что к этой теме не следует возвращаться, но целесообразность повторного рассмотрения проблематики, по которой уже состоялись удачные публикации, может быть оправдана только интересными, оригинальными результатами. На взгляд рецензента, в данном случае автору не удалось открыть какую-либо новую сторону в отношении взглядов Ницше об античной культуре, которая до сих пор оставалась бы неизвестной широкому кругу читателей. Достаточно взглянуть на заключение, чтобы понять, что автор не выходит за границы реферирования того содержания истории философии, которое нам давно и хорошо знакомо. Реферативному

характеру работы соответствует и использованная автором литература, на основании представленного списка можно заключить, что автор только начал знакомиться с избранной темой, и указанных источников явно недостаточно о серьёзном погружении автора в тему. Но статья не может в её сегодняшнем виде быть рекомендована к печати ещё и потому, что в тексте содержится множество ошибок, смысловых неувязок, стилистических погрешностей. Так, уже в названии присутствует вполне «детская» ошибка: разумеется, должно стоять «вопрос о метафизике», а не «вопрос о метафизики». Да и сформулировано оно неудачно: два мыслителя «слипаются» просто в этой формуле. Самый простой вариант, который мог бы избрать автор: «Оценка этики Сократа в «метафизике морали» Ницше», хотя возможны и более сложные (конкретные) формулировки. В тексте невероятно много лишних запятых, которые никак нельзя списать на «авторскую пунктуацию»: «...философские идеи вскрывают, и в полной мере иллюстрируют...»; «...о преодолении метафизики, как о...»; «для Ницше, именно трагическое искусство...», и т.д. Что это? Опечатки, ошибки, неряшливость? Множество синтаксических и стилистических ошибок: «...разума, который низводит все инстинктивные проявления» (к чему «низводит»?), и т.п. Или: «Поскольку в основе метафизического мышления лежат моральные суждения, которые выражаются в бинарно оценивающем мышлении.» – Где в этом предложении сказуемое? В нём ничего не утверждается и не отрицается! Далее: «В противоположность популярным на тот момент натуралистическим методам, который был нацелен...», – почему «методы» – «который»? Или: «Первым ключевым положением, повлиявшим на исследование морали у Ницше, это рассмотрение...» («положением» – «это...»?), и т.п. Хотелось бы поддержать интерес автора к заявленной теме, но в своём сегодняшнем виде статья не может быть опубликована в научном журнале, рекомендую отправить её на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья представляется мне достаточно интересной и актуальной. Предметом исследования является ницшеанская критика Сократа и его морального учения. Автор поставил перед собой задачу показать, что, критикуя этику Сократа и всю классическую, рационалистическую философскую традицию, Ницше – сознательно или бессознательно – постоянно возвращается к ней и, соответственно, к ее истоку в лице греческого философа.

Например, произведения Ницше, в том числе и те, в которых немецкий философ обрушивает на Сократа всевозможные обвинения, сами пронизаны глубоким скептицизмом, который в значительной степени восходит к сократовскому умонастроению. Автор справедливо считает, что в скептицизме и сократизме есть нечто схожее, что это «две разных формы проявления нигилизма в рамках рациональности». Справедливым представляется и утверждение автора статьи, что, критикуя сложившееся представление об истине, Ницше сам вовсе не отказывается от ее поисков.

Выказывая признание к диалектике и доказательству как таковому, видя в них мотив «реванша угнетенного человека» и «тиранию мысли», Ницше на самом деле критикует одностороннее, однозначно регламентирующее мышление, делает акцент на противоречиях, то есть как раз придерживается диалектического метода (Хотя здесь, на мой взгляд, автор смешивает ницшеанское понимание диалектики как доказательного дискурса с т. с. «гегельянским», которое, с точки зрения Ницше, вполне само может быть отнесено к метафизике).

Наконец, автор обращает внимание, что если Сократ, согласно Ницше, ответственен за абсолютизацию аполлонического начала в культуре в ущерб дионисийскому, то правомерно задать вопрос, не использует ли Ницше подобную, но обратную абсолютизацию, т. е. абсолютизацию дионисийского начала.

Итогом рассуждений автора становится положение, что, во-первых, Ницше, возможно, более, чем кто-либо другой в истории европейской философской мысли, вторит структуре вечного становления истины у Сократа; а, во-вторых, что весь пафос воли к власти как самовозрастания понимается Ницше «как основания не только бытия, но лучшего бытия, а значит, морали в ее высшем смысле». Иными словами, автор – конечно, не первый – обнаруживает моралистическую составляющую в антиморалистической философии Ницше.

Следует заметить, что все приведенные рассуждения автора актуальны и в наши дни, так как показывают, что попытки вырваться из европейской философской и этической традиции, которые продолжаются сегодня, сознательно или бессознательно возвращаются к этой же традиции, так как она является основой всякого критического мышления.

В качестве замечания к работе, хотелось бы отметить ее несколько корявый стиль. Само название статьи – Восприятие этики Сократа в философии морали Ф. Ницше: преодоление и метафизики и ее «вечное возвращение – как-то трудно прочесть. Тут что-то не так: то ли первое «и», то ли падеж вечного возвращения. Наверное, все-таки первое «и» следует убрать. Едва ли стилистически удачны выражения типа «более детальное рассмотрение проблемы философ рассматривает...». Но это все легко поправимо.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Емельянов А.С. Ленин и Мейясу: Возможен ли спекулятивный материализм? // Философская мысль. 2024. № 6. С. 13-24. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.6.70378 EDN: PFBZTQ URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70378

Ленин и Мейясу: Возможен ли спекулятивный материализм?

Емельянов Андрей Сергеевич

кандидат философских наук

старший преподаватель, кафедра философии, Курский государственный университет
305000, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, 33, оф. 325

✉ andrei.e1992@mail.ru

[Статья из рубрики "Материя и движение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.6.70378

EDN:

PFBZTQ

Дата направления статьи в редакцию:

06-04-2024

Аннотация: В центре внимания данной статьи – вопрос о совместимости материализма и спекулятивизма. В качестве отправной точки исследования берется диалектико-материалистическая философия В.И. Ленина, представленная им в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Его позиция сравнивается с концепцией спекулятивного материализма современного французского философа Квентина Мейясу, представленной в работе «После конечности: Эссе о необходимости контингентности». Автор подчеркивает, что программы Мейясу и Ленина объединяет общая задача – борьба с фидеизмом в философии и науке. По мнению советского и французского философов единственным оружием против фидеизма в науке может быть только материализм. Для решения этой задачи они оба концентрируют основное внимание на критике корреляционизма (координации) в его «сильной» и «слабой» вариациях. В первой части исследования автор раскрывает общие концептуальные положения критики корреляционизма Ленина и Мейясу, а во второй и третьей ее частные вопросы. В частности, вопрос о существовании материи "до нас" и вопрос о возможностях существования объективной истины. Автор статьи приходит к выводу, что между

взглядами Ленина и Мейясу имеются существенные различия. Они заключаются, во-первых, в различном понимании сущности материи (объективной реальности), во-вторых, в различном отношении к познавательному статусу вещей в себе и, наконец, в-третьих, в различном отношении к объективной истине. Данные различия ставят под сомнение популярную точку зрения, выражаемую утверждением «Мейясу – это современный Ленин». В исследовании отмечается, что программа спекулятивного материализма имеет много общего с эмпириокритицизмом А. Богданова и А. Пуанкаре. С первым Мейясу роднит отрицание существования объективной истины, со вторым – приверженность так называемому «математическому фидеизму». В заключении автор отмечает, что, несмотря на свою неудачу, проект Мейясу является наглядным свидетельством происходящего в настоящее время в философии «ренессанса» материализма, пусть и в весьма «специфической» форме.

Ключевые слова:

материализм, спекулятивный материализм, диалектический материализм, корреляционизм, Ленин, Мейясу, материя, объективная истина, фидеизм, математический фидеизм

Введение

Выход в 2008 году работы Квентина Мейясу «После конечности»[\[14\]](#) возобновил в философских кругах дебаты об эпистемологическом и онтологическом статусе «корреляционизма» – методологического принципа, допускающего корреляцию бытия и мышления. Однаковым образом дистанцируясь как от апологетических[\[12; 15; 18\]](#), так и от критических[\[5; 16; 17\]](#) оценок содержания «крестового похода» против корреляционизма, отметим, однако, что сам по себе он не является первым в своем роде. Известно, например, что в посткантианской традиции (в частности, у Шеллинга, Гегеля, Гуссерля) еще задолго до выхода «После конечности» были предложены свои варианты подрыва «корреляционистского круга». Последние, правда, в своей борьбе за чистую философию и науку, к сожалению, лишь усугубили данную проблему, трансформировав существовавший на тот момент «слабый» корреляционизм Канта в «сильный». Таким образом, борьба с иррационализмом и метафизическим догматизмом в современной философии парадоксальным образом привела к возрождению «аргумента слепой веры» и «скептическому фанатизму»[\[6; 68–69\]](#).

Именно для борьбы с религиозным обскурантизмом и реликтом догматической метафизики, опирающейся, как известно, на онтологическое доказательство и принцип достаточного основания, Мейясу обращается к материализму. Поход автора «После конечности» против корреляционизма позиционирует себя в качестве продолжения материалистической линии Л. Фейербаха, Ф. Энгельса, И. Дицгена и В. Ленина. С работой последнего «Материализм и эмпириокритицизм» сочинение Мейясу сближает отнюдь не только антикорреляционизм и материализм, но и ряд общих вопросов. К их числу можно отнести как вопрос о существовании материи до нас (проблема архипископаемого), так и вопросы о причинности и необходимости в мире (проблема Юма и проблема контингентности, соответственно). К слову, на имеющуюся связь между Ленинами французским философом после выхода «После конечности» тут же обратили внимание в России[\[2; 3; 7\]](#) и за рубежом (Р. Брасье, С. Жижек)[\[11; 19; 20\]](#). Однако несмотря на то, что Ленин и Мейясу занимаются разрешением схожих вопросов, ответы

на них они дают диаметрально противоположные, что указывает на то, что кажущийся союз спекулятивизма и материализма в действительности является мнимым.

В рамках настоящего исследования мы сконцентрируем основное внимание на двух взаимно противоположных полюсах творческого наследия Ленина и Мейясу. Во-первых, мы рассмотрим то общее, что объединяет советского и французского философа, например, критику корреляционизма, а также принцип демаркации философии и науки, определенным образом связанный с вопросом об онтологических и гносеологических корнях фидеизма. Во-вторых, – и это центральный пункт нашего исследования – мы попытаемся выявить то особенное, что имеется в их философских программах. Последнее послужит основой для опровержения тезиса о том, что «Мейясу – это современный Ленин». Положительное решение данной задачи позволит нам выявить сущностное различие между диалектическим и спекулятивным материализмом, а также ответить на ряд вытекающих из этого факта вопросов. А именно: как и на каких гносеологических и онтологических основаниях становится возможен спекулятивный материализм? И, в конце концов, является ли спекулятивный материализм Мейясу, собственно, материализмом?

I. Критика корреляционизма и фидеизма у Мейясу и Ленина

Центральной идеей в «После конечности», которая, словно нить Ариадны, пронизывает всю книгу, является борьба с фидеизмом в современной философии. По мнению французского философа, если всю предшествующую Канту философию можно назвать «метафизикой субстанции», то всю последующую традицию (и современную философию, в частности) следует определить как «метафизику корреляции». Последняя основывается на идее, «согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [6; 11]. Именно данный способ рассуждений, существующий в современной посткантианской философии, автор «После конечности» и называет «корреляционизмом».

Мейясу заявляет, что основной нерв корреляционистской философии – эпистемологический принцип, согласно которому нельзя рассматривать сферы субъективного и объективного как независимые друг от друга. Таким образом, корреляционизм утверждает, что мы не только неспособны познать объект «в себе», изолированный от нашего отношения к нему и к его противоположности – субъекту, но и субъект сам по себе, без его отношения к объекту или условиям его существования. Как подчеркивает Мейясу, вера в первичность субстанции докритической философии в настоящее время превратилась в веру в первичность отношений между членами корреляции, став своеобразной «мантрай», которая повторяется философами раз за разом. Примеры – трансцендентальное у Гуссерля, Ereignis Хайдеггера, différance Деррида. Корреляция может иметь различные формы (субъект-объект, ноэма-ноэзис, бытие-человек, язык-референт), однако суть ее от этого не меняется: мы не знаем и не можем познать мышление и бытие изолированно. Для нас это «вещи в себе». «Вещами для нас» они становятся только благодаря корреляции.

Именно против такого рода веры – веры в вечность корреляции, в недопустимость существования абсолютного – выступает Мейясу, предлагая реанимировать новоевропейскую докритическую философию: «Современные мыслители безвозвратно лишились Великого Внешнего, абсолютного Внешнего докритических мыслителей: Внешнего, не опосредованного отношением к нам, данного как безразличное к собственной данности, существующего в себе, безразлично, мыслим мы его или нет» [6].

[\[14-15\]](#). Комментируя позже данный фрагмент, итальянский философ А. Тоскано отметит, что претензия мышления на доступ к абсолюту получает в современной философии решительный отказ, при этом иррационалистические абсолюты сохраняются и даже умножаются. Отсюда почти не оспариваемое сегодня господство скептически настроенного наивного и одновременно плюралистического «фидеизма любой веры, какой бы она ни была» [\[17; 86\]](#).

За сто лет до этого, предвосхищая многие из идей, которые будут высказаны в «После конечности», В. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» также сделает центральной темой своего исследования критику корреляционизма и фидеизма. В первой главе, посвященной критике эмпириокритицистской теории познания, Ленин рассматривает теорию принципиальной координации Р. Авенариуса, которая в терминах Мейяси может быть обозначена как субъект-объектный корреляционизм. Как указывает советский философ, теория Авенариуса заключается в положении о «неразрывной (unauflösliche) координации» (т.е. соотносительной связи) «нашего Я (das Ich) и среды» [\[4; 63\]](#) при центральном положении Я как центрального члена координации человеческого опыта. Критикуя с позиций диалектического материализма такой взгляд, Ленин отмечает: «Фихте тоже воображает, будто он «неразрывно» связал «я» и «среду», сознание и вещь» [\[4; 63\]](#). Тем самым, продолжает советский философ, Авенариус повторяет «довод Беркли: я ощущаю только свои ощущения, я не имею права предполагать «объекты сами по себе» вне моего ощущения» [\[4; 65\]](#).

Ленин подчеркивает, что между философией Беркли – «родоначальника коррелятивистской теории относительной данности субъекта и объекта» [\[4; 83\]](#) – философией Фихте, а также эмпириокритицизмом Маха и Авенариуса имеется определенная связь, позволяющая рассматривать их в качестве исторических форм «основной философской линии субъективного идеализма» [\[4; 83\]](#). Это позиция, согласно которой «мир есть мое ощущение; не-Я «полагается» (создается, производится) нашим Я; вещь неразрывно связана с сознанием; неразрывная координация нашего Я и среды есть эмпириокритическая принципиальная координация – это все одно и тоже положение» [\[4; 83\]](#).

В противовес корреляционизму Беркли и Фихте, а также координации Авенариуса Ленин выдвигает реалистический аргумент, аналогичный тому, который позже выдвинет Мейяси на страницах «После конечности»: вещи, среда и даже мир «существуют независимо от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего Я и от человека вообще» [\[4; 83\]](#). По его мнению, ошибка корреляционизма, постулировавшего неразрывную связь между объектом и субъектом, заключается в том, что он подменяет действительный мир миром воображаемым. Образ внешнего мира, существующий в нашем сознании в понятиях и в суждениях о мире, отображение и отражение этого мира не может, во-первых, существовать без отображаемого, во-вторых, не может предшествовать самому миру!

Ленин и Мейяси сходятся в том, что любая попытка связать мысль и реальность, субъект и объект, попутно облекая его в наивно реалистическую оболочку, – т.е. корреляционизм – «есть софизм самого дешевенького рода» [\[4; 65\]](#), который неминуемо приводит нас к «фидеизму любой веры» [\[6; 64\]](#). Кроме того, оба философа признают, что единственным «лекарством» для современной философии, науки и общества от метафизики, фидеизма и вечности конкретных идеологических содержаний может стать только материализм. Правда, уже здесь можно заметить различие в их взглядах. Если для Ленина любой корреляционизм означает «принципиальную координацию», т.е.

субъективный идеализм, который ведет к фидеизму, то для французского философа наибольшую опасность несет не сам по себе корреляционизм, а лишь его «сильная» вариация, утверждающая о его вечном характере.

II. Существовала ли природа до человека?

Вопрос о существовании природы до нас – один из центральных моментов экспликации двух векторов материалистического понимания процесса познания:ialectического, выраженного в «Материализме и эмпириокритицизме», и спекулятивного, представленного в «После конечности». При этом особого внимания заслуживает не столько сам ответ на обозначенный выше вопрос (в этом оба философа как раз солидарны: и тот, и другой признают, что природа, т.е. объективная реальность, существует независимо от нас), сколько то, как авторы отвечают на него.

В работе Ленина вопрос о существовании природы до человека, до появления его познавательных способностей, с помощью которых природа могла бы быть представлена в форме понятий, т.е. помыслена, поднимается в контексте уже упомянутой нами выше критики теории принципиальной координации Авенариуса. Напомним, что благодаря понятию «потенциального центрального члена» последний приходит к эмпириокритической точке зрения, согласно которой «естествознание не имеет права ставить вопрос о таких периодах нашей теперешней среды, которые по времени предшествовали существованию человека» [4: 67]. Ни одна вещь, включая Землю до того момента, когда на ней появился человек, не может существовать независимо от нашего сознания, так как мы всегда стремимся «примыслить самих себя», т.е. поставить наше воображаемое присутствие на один уровень с действительным существованием Земли в виде раскаленного огненного шара.

Как показывает Ленин, позиция Авенариуса (как и рассуждения его последователей – Э. Маха, И. Петцольдта и Р. Вилли), есть «философский обскурантизм». По мнению автора «Материализма и эмпириокритицизма», она «ведет нас к тому, что не только никогда не было испытано (не было объектом опыта, has not been experienced), но к тому, что никогда, никоим образом не может быть испытано существами подобными нам» [4: 68]. Как добавляет советский философ, отсутствие ощущения или восприятия некоторого предмета не является условием его несуществования. Из того факта, что я никогда не имел опыта восприятия Сократа или Платона, вовсе не следует, что Сократ или Платон никогда не существовали. Поэтому материализм отстаивает позицию естествознания по этому вопросу: «земля существовала в таком состоянии, когда ни человека, ни вообще какого бы то ни было живого существа на ней не было и быть не могло» [4: 71].

Для Мейясу вопрос о существовании природы (Земли) до нас (до появления человека) является смысловым триггером для развертывания антикорреляционистской программы. Именно благодаря этому вопросу французский философ «реанимирует» теорию первичных и вторичных качеств Локка и Декарта, подразумевая существование внешнего по отношению к нам мира, в качестве «математических высказываний» (протяженность), которые являются свойствами «объекта в себе» [6: 8]. Однако в отличии от Ленина, Мейясу акцентирует внимание не на онтологической стороне вопроса о существовании мира до нас, а лишь на гносеологической – а именно на условиях мыслимости природы *вне нас*.

Условием мыслимости природы вне нас, по мнению Мейясу, является доисторическое (*ancestralité*), которое представляет собой реальность, «которая предшествовала

появлению человека как вида» [6; 19]. Однако архископаемое или «ископаемая материя» (fossil-matter), из которой соткано доисторическое, есть лишь материальный носитель, на базе которого производятся опыты, позволяющие оценивать различные феномены. В действительности ископаемая материя – это не субстанциальная основа мира без нас, так как «относительно момента формирования Земли нет смысла говорить о качествах, связанных с присутствием живого существа (вторичные качества)» [6; 22]. Продолжая, французский философ указывает, что описывать состояние Земли без нас как состояние до нас (доисторическое) и состояние после нас (апокалиптическое) мы можем лишь в «математических терминах». Иными словами, единственным и возможным условием мыслимости Земли без нас является абсолютность математического описания, язык гармонии, который пронизывает события, вещи и вечность.

Буквально в следующем предложении Мейясу, правда, уточняет, предусмотрительно избегая обвинений в математическом фидеизме и пифагореизме: «Мы не говорим, что бытие формирования Земли имеет математическую суть – что числа или уравнения... существуют сами по себе» [6; 22]. Стоит обратить внимание, что подход Мейясу к онтологическому статусу математических формул и научных высказываний в ряде моментов совпадает с подходом Анри Пуанкаре, который в схожем ключе рассматривал математическую формулу в качестве субстанциональной единицы мира. Однако современный философ идет еще дальше. Мейясу указывает (и в этом он идет дальше своего учителя А. Бадью [9]), что математическое высказывание, термин или формула являются лишь условиями (объективной) мыслимости, но никак не субстанциональными единицами, на фундаменте которых конституируется онтология мира. Однако если ископаемая материя лишь носитель, а математика лишь условие ее мыслимости, возникает закономерный вопрос: носителем и условием мыслимости чего являются ископаемая материя и математика? Ответ Мейясу – Абсолюта (или «абсолютного»), который существует в качестве референта независимо от того факта, мыслим ли мы его или нет. Таким образом, бытие формирования Земли как абсолютное содержит в себе «референты высказываний, содержащих даты, объемы и т.д.» которые «существовали уже 4,56 млрд. лет назад» [6; 22].

Конечно, Мейясу многократно высказывается против логического эмпиризма и позитивизма. Однако это не мешает ему прийти к позиции, на которой до него уже стояли Беркли, Фихте, Max и Авенариус. Эта позиция заключается в том, что нечто (субъект, трансцендентальное Я, референт абсолютного), являющееся лишь нашим субъективным продуктом отражения, принимается за то, что предшествует миру, Земле. Иными словами, в рамках спекулятивного материализма мы приходим к тому же результату, что и эмпириокритицизм: отражение предшествует отражаемому, вещи, объективной реальности (или предполагается до них).

III. Существует ли объективная истина?

Итак, почему Мейясу, поставивший, как и Ленин, в центре своего проекта борьбу с корреляционизмом и фидеизмом идеалистической метафизики, в конечном счете приходит к эмпириокритицизму? Как ни странно, но ответ на этот принципиальный вопрос дает работа «Материализм и эмпириокритицизм». В отличие от Мейясу, который в своем исследовании ограничился рассмотрением лишь взаимосвязи между фидеизмом и корреляционизмом, Ленин обратил внимание и на другой источник фидеизма – агностицизм и скептицизм. Советский философ указывает, что сам по себе фидеизм является следствием отнюдь не только корреляционизма, но также агностицизма и скептицизма [4; 72–78]. Иными словами, недостаточно мыслить объективное лишь вне

корреляции с субъектом; недостаточно лишь отказаться от корреляционизма в его слабом и сильном варианте.

В связи с этим принципиальное значение (в гносеологическом смысле) приобретает вопрос о действительных условиях мыслимости природы *вне нас*. Нужно ли, как это сделал Мейясу, отказаться от корреляции субъекта и объекта и мыслить мышление как «без-различный от нашего существования/несуществования» процесс, который существует лишь «случайно», «как контингентная комбинация атомов» [6; 49]? Для ответа необходимо обратиться к тому, как автор «После конечности» смотрит на вопросы об абсолютной и относительной истине, а также о причинности и случайности в нашем мире.

Одной из характерных особенностей рассуждений Мейясу об абсолютном является одновременная ориентация как на Юма, так и на кантовский трансцендентализм. Указанный выше дуализм проявляется прежде всего в том, что абсолютное у него, с одной стороны, оказывается «основанием», освобождающим «от реальности все стоящее вне причинной необходимости» [6; 134], а с другой – «неоснованием», представляющим собой «истинное содержание мира» [6; 119]. Однако в тот момент, когда Мейясу приступает к обоснованию и определению Абсолюта (или абсолютного референта, сосредотачивающего в себе одновременно возможность и невозможность) данного мне в опыте фактичного существования, он с позиции объективизма переходит на позицию агностицизма.

«В моем опыте фактичности я имею дело не с объективной реальностью, а с непреодолимостью границ объективности перед лицом факта наличия мира: <...> факт логичности мира, или данности его в представлении, избегает структур логического обоснования или представления. «В-себе» становится непроницаемым – невозможно даже утверждать, что оно существует – и это понятие стремится полностью исчезнуть, оставив только фактичность» [6; 54] (курсив – А.С.).

Таким образом, согласно Мейясу, в процессе познания мы всегда имеем дело не столько с самой объективной реальностью, сколько с ее фактичностью. Сам же объективный мир, как следует из вышеприведенного фрагмента, представляет собой вещь «в-себе», которая настолько непроницаема, что невозможно даже утверждать, существует ли она вообще или нет.

К слову, материализм де-факто никогда не отрицал существования «в-себе». Однако, как отмечал еще Фейербах, следует строго различать две традиции в понимании «вещей в себе»: кантовскую и материалистическую. Согласно первой, *An sich* представляет собой абстракцию без реальности, которую можно лишь помыслить, но невозможно познать. Согласно второй, «в-себе» есть абстракция с реальностью, есть отражение объективной реальности. И хотя, как продолжает Фейербах, «природа, которая не является объектом человека или сознания, конечно, представляет из себя для спекулятивной философии или, по крайней мере, для идеализма кантовскую вещь в себе, абстракцию без реальности», т.е. «абсолютно нечеловеческое существо» (*absolut unmeschliches Wesen*), из этого вовсе не следует, что фактичность *моего* существования является адекватным отражением объективной реальности [8; 130]. Иными словами, из фактичности *моего* существования, из *моего* опыта вовсе не следует фактичность и конечность объективной реальности.

В конечном счете, как добавляет Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», из наших ощущений можно идти либо по линии субъективизма, приводящей к агностицизму,

либо по линии объективизма, единственной из всех ведущей к материализму [4; 128; 129]. Конечно, на первый взгляд, может сложиться впечатление, что Мейясу избирает второй путь. Он полностью дискредитирует необходимость корреляции между субъектом и объектом, между мышлением и существованием, что позволяет ему мыслить природу и мир до нас как независимые. Однако сам по себе этот факт не является свидетельством того, что перед нами материализм. В самом деле, в объективном идеализме Гегеля природа и бытие также существуют независимо. Поэтому для Ленина завершенный антикорреляционизм, т.е. программа, направленная на очищение философии и науки от фидеизма и идеологии, напрямую связан с вопросом об источнике восприятия и вытекающим, в свою очередь, из него вопросом об абсолютной и относительной истине.

Во второй главе «Материализма и эмпириокритицизма», в четвертом параграфе под названием «Существует ли объективная истина?», Ленин пишет: «Является ли источником восприятия объективная реальность? Если да, то вы – материалист. Если нет, то вы непоследовательны и неминуемо придет к субъективизму, к агностицизму, – все равно, будете ли вы отрицать познаваемость вещи в себе, объективность времени, пространства, причинности (по Канту) или не допускать и мысли о вещи в себе (по Юму)» [4; 129].

Эти слова, написанные Лениным более века назад и обращенные к махисту А. Богданову, заявлявшему о независимости внешнего мира от содержания сознания, но при этом отрицавшему существование объективной истины [1; 17], в наше время можно в полной мере отнести к Квентину Мейясу. Как многократно указывает советский философ, для материализма важно не то, какова точность описания причинных связей и могут ли они «быть выражены в точной математической формуле» [4; 164], а то, что является источником познания. Ленин, в отличие от Мейясу, решительно настаивает на отрицании тождества между мышлением и бытием, а потому причинность и порядок, существующие в природе, для него являются не субстанциональными единицами (монадами), которые управляют природой, а лишь ее отражением, произвольным переводом.

Напротив, для автора «После конечности» Абсолютное представляет собой субстанциональную единицу, упакованную в Абсолют математической формулы. Абсолют математической формулы обладает свойством контингентности и избегает каких-либо окончательных («застывших») форм знания, потому что представляет собой сумму не субъективных, а интерсубъективных истин. Однако чем тогда математический фидеизм отличается от эмпириосимволизма? Критикуя Анри Пуанкаре (по словам самого Ленина, «крупного физика и мелкого философа»), А. Богданова и П. Юшкевича за агностицизм и отрижение объективной реальности и объективной закономерности, автор «Материализма и эмпириокритицизма» указывает на сходные посылки в их аргументации, которые через сто лет будут воспроизведены Мейясу. А именно: наличие некоторого «вечного» референта – «гармонии мира», «потока данного», «эмпириосимвола» («доисторического» у Мейясу), который, будучи лишь отражением объективной реальности, оказывается на страницах «После конечности» тем, что ей предшествует.

IV. Почему Мейясу не Ленин?

Итак, почему философские системы Мейясу и Ленина, будучи заточенными на решение общей задачи, приходят к двум взаимно противоположным выводам? Иначе говоря, почему Мейясу – это не Ленин?

1. Два философа взаимно противоположным образом раскрывают причины фидеизма в науке и философии. В то время как французский философ, рассматривает идеальное и

материальное как одну из возможных вариаций репрезентации Абсолюта или Великого Внешнего, то для автора «Материализма и эмпириокритицизма» рассмотрение диспозиции идеальное/материальное обретает определенный смысл только исходя из основного вопроса философии. Отсюда совершенно разный смысл, который оба автора вкладывают в понятие «материализм». Для Мейясу это лишь один из возможных предикатов Абсолютного, который репрезентирует свою фактичность в ископаемой материи (принцип фактуальности). Для Ленина материализм – это прежде всего философская позиция, мировоззрение, которое рассматривает материю в качестве источника данных нашего сознания.

2. Несмотря на то, что Ленин и Мейясу критикуют корреляционизм, каждый из них по-разному осуществляет эту критику. Если первый реализует последовательную программу тотального изъятия «предустановленной координации» («сильного» корреляционизма) из сферы опыта, то второй, напротив, не только сохраняет «слабый корреляционизм» Канта в качестве «наименьшего зла», но и приходит к выводу о том, что сама фактичность корреляции абсолютна.

3. Признавая существование вещей в себе, Мейясу вместе с тем отрицает возможность их познания. По мнению французского философа, они полностью «непроницаемы» для нас. Таким образом, Мейясу в вопросе о существовании вещей в себе и об их гносеологическом статусе стоит скорее на позиции идеализма, чем на позиции материализма.

4. В отличие от Ленина, Мейясу отрицает существование объективной истины. Последнее обстоятельство указывает на то, что спекулятивный материализм французского философа в действительности является не материализмом, а эмпириосимволизмом, т.е. разновидностью субъективного идеализма.

Заключение

Возможен ли спекулятивный материализм? Еще в шестидесятых годах итальянский марксист Лучио Коллетти в работе «Марксизм и диалектика» указывал, что спекулятивизм, претендующий на логически непротиворечивое описание бытия, несовместим с материализмом, так как такого рода задача может быть им осуществлена только идеалистическими средствами [13]. Для итальянского марксиста спекулятивизм фундаментально несовместим с материализмом. Причем данное положение представляет собой не аксиому, а следствие, вытекающее из самих оснований материалистической диалектики. Для Ленина (как и для его предшественников в лице Фейербаха, Энгельса, Дицгена) спекулятивный материализм также мог представлять собой лишь теоретический конструкт, причем софистического свойства, стремящийся мнимым образом соединить две противостоящие друг другу философские традиции. Проект Мейясу является наглядным тому подтверждением.

Невозможность спекулятивного материализма является прямым следствием невозможности неметафизического спекулятивизма. Спекулятивизм по определению не может быть не метафизическими. В этом, на наш взгляд, и заключается мнимый характер выражения «спекулятивный материализм». Парадокс, но оказалось, что под маской спекулятивного материализма скрывается «враг», на борьбу с которым изначально как раз и была направлена работа французского философа, – спекулятивный идеализм! Несмотря на то, что Мейясу выступает в качестве противника фидеизма (или, как сказал бы Ленин, «протаскивания религии» в науку и философию), реанимируя в философском дискурсе объективную реальность, он тем не менее приходит к агностицизму, полностью

нивелирующему положительное значение его антикорреляционисткой программы. Так или иначе, но стоит признать, что ни одна из заявленных Мейясу задач не была им осуществлена до конца, что делает его материалистический тезис о существовании реальности *вне нас* в некоторой степени даже парадоксальным. Последнего, к слову, не отрицает и сам французский философ, подчеркивая, что «материализм, если он идет по спекулятивному пути, обязан верить, что возможно мыслить данную реальность, абстрагируясь от того факта, что мы ее мыслим» [6; 48]. Вполне очевидно, что фидеизм современной науки и философии не может быть побежден другим фидеизмом, пусть этот последний даже будет «замаскирован» под математику или естествознание.

Несмотря на свою неудачу, проект Мейясу является наглядным свидетельством происходящего в настоящий момент в современной философии «ренессанса» материализма. Концепции трансцендентального материализма Бадью [10] и спекулятивного материализма Мейясу намекают нам на то, что материалистическая традиция, еще недавно считавшаяся пережитком классической философии и советского догматического марксизма, снова актуальна и волнует умы философов различных направлений и школ.

Библиография

1. Богданов А. Эмпириомонизм: Статьи по философии. М.: Республика, 2003. 400 с.
2. Кралечкин Д. Enter Speculative Realism // Логос. 2013. № 2 (92). С. 38–43.
3. Ламашкин А. Проблема доисторического: «ископаемая материя» (К. Мейясу) и «природа, существующая до человека» (В.И. Ленин) // Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. Ред. Ю.А. Разинов. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. С. 185–192.
4. Ленин В. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 18. М.: Политиздат, 1973. 525 с.
5. Малабу К. Можем ли мы отказаться от трансцендентального? // Философский журнал. 2018, 1 (11). С. 99–110.
6. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
7. Павлов Е. «Когда родился Цезарь?» Теория и практика истины у Плеханова и Богданова // Stosis 2 (5), 2017. С. 350–383.
8. Фейербах Л. Сущность христианства // Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Наука, 1995. 424 с.
9. Badiou, A. *The Concept of Model: An Introduction to the Materialist Epistemology of Mathematics*. Melbourne: re-press, 2007. 182 pp.
10. Badiou, A. *Logic of Worlds: Being and Event*. New York: Continuum, 2009. 617 pp.
11. Brassier, R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. London: Palgrave Macmillan, 2007. 291 pp.
12. Cohen, J. Speculating the Real: Ob Quentin Meillassoux's Philosophical Realism. In: The Legacy of Kant in Sellars and Meillasoux. In *Analitic and Continental Kantianism*. ed. F. Gironi. London: Routledge, 2017. pp. 171–179.
13. Colletti, L. Marxism and the Dialectic. *New Left Review*, 1975, Vol. 93, No. 1, pp. 28–29.
14. Meillassoux, Q. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. trans. by R. Brassier. London: Continuum, 2008. 157 pp.
15. Robin, E.Y. Kant Walks Meillassoux: Finitude and Correlationism, *Jurnal of Indian Concil of Philosophical Research*, 2021, Vol. 38. pp. 197–211.

16. Ruda, F. Die speculative Familie, *Texte zur Kunst*, 2022. Vol. 86. pp. 172–176.
17. Toscano, A. Against Speculation, or, A Critique of the Critique of Critique: A Remark on Quentin Meillassoux's After Finitude (After Colletti). In *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism* / L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman (eds.). Melbourne: re-press, 2010. pp. 84–91.
18. Schäferling, K. 2022. Meillassoux's Reinterpretation of Kant's Transcendental Dialectic, *Open Philosophy*, 2022, Vol. 5, pp. 702–717.
19. Žižek, S. An Answer to Two Questions. In *Adrian Johnston, Badiou, Žižek, and Political Transformation*. Evanston: Northwestern University Press, 2009. pp. 174–230.
20. Žižek, S. *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso, 2012. 1038 pp.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи возвращается к одному из пунктов, в процессе рассмотрения которого мы можем судить о границах возможного сравнения событий сегодняшней философской жизни с философской классикой, в данном случае речь идёт о подходе, который обозначается как «корреляционизм». Рецензент не считает, что избранная автором тема способна оказаться наиболее продуктивной в этом отношении, однако, представленная статья является хорошим поводом задуматься об отношении сегодняшнего философского сообщества к классической философии, кроме того, она выполнена на достаточно высоком «техническом» уровне, автор проявляет несомненные эрудицию и способность корректно оценивать различные феномены современной и классической философии, что предопределяет общую её весьма высокую оценку. Главный же недостаток статьи, на взгляд рецензента, состоит в том, что её автор слишком послушно, откровенно некритически, перенимает утверждения западных коллег, вместо того, чтобы проявить здравый скепсис в отношении их правомерности и обоснованности. Кажется, автор не замечает, что когда он повторяет тезис французского исследователя о необоснованности «веры в вечность корреляции, в недопустимость существования абсолютного», он безропотно принимает «необоснованное утверждение» последнего, будто речь в этом случае идёт о «вере». Думается, всякий профессиональный историк философии согласится с тем, что «корреляционизм» – это отнюдь не «факт веры», а результат длительного развития философии. Даже если не принимать во внимание тысячелетние античность и средневековье, путь, пройденный новоевропейской философией от Бэкона до Юма, указывает на «корреляционизм» как единственный неизбежный результат состоявшегося опыта «философии субъекта». Повторяя известные формулы, новоевропейская философия буквально «выстрадала» «корреляционизм», последний – не некая «случайная вера», а закономерный итог, может быть, самых интенсивных в истории мировой философии дискуссий, к которому не могла не привести «столбовая дорога» развития философской мысли. Поэтому «бунт» молодого французского автора против классической европейской философии несколько поспешен, к сожалению, то же самое, думается, имеет место и тогда, когда сегодняшние отечественные авторы, вместо того чтобы внимательнее изучать классику, поддаются на «сназливительно-парадоксальные» реплики зарубежных коллег, раздающиеся в адрес классической философии. Нужно ещё заслужить того, чтобы оказаться в одном ряду с Кантом, Гегелем, Марксом, Лениным. Дело в том, что сегодняшнее буржуазное общество и в области книготорговли

вынуждено следовать законам маркетинга, в частности, придумывать яркую, привлекающую внимание покупателя, «этикетку». Имеется ли за ней реальное содержание? Конечно, в каждом конкретном случае необходимо давать конкретный ответ, и одновременно давать его обоснование, но опыт последних десятилетий показывает, что «яркие имена» уносятся временем в прошлое подобно тому, как ветер уносит этикетки реализованного товара. Со своей стороны, заметим, что, может быть, самый главный урок «обветшалого корреляционизма» может усматриваться в необходимости пересмотра (или, как минимум, корректировки) представления о природе и границах философского знания, и урок этот, к сожалению, привлекает сегодняшних начинающих исследователей в значительно меньшей степени, чем «этикетки» западных публикаций. Какое-либо прямое сравнение Ленина и Маясу, разумеется, неуместно, оно говорит об отсутствии должного историко-философского вкуса. Названные персоны находились в совершенно разных исторических обстоятельствах, преследовали разные цели (если говорить о Ленине, то он стремился только пресечь увлечение некоторых социал-демократов модной в те годы формой «корреляционизма»), их «сравнение» должно начинаться с восстановления и анализа историко-культурных предпосылок, но заслуживает ли возможный результат столь значительных усилий? Почему же тогда сегодняшние западные авторы всё снова и снова возвращаются к перевёрнутым раз и навсегда страницам истории культуры? Не свидетельствует ли сам этот факт о скучности собственной мысли, о том, что сегодняшнее западное общество утратило тот, действительно, творческий потенциал, который был характерен для него несколько столетий назад? Разумеется, в рамках короткой рецензии недопустимо решаться на обсуждение этих вопросов, и остаётся только пожелать, чтобы отечественные исследователи не останавливались на коллекционировании аргументов «почему Миясу не Ленин» (разумеется, не Ленин), а искали для своих размышлений сюжеты, способные инициировать более продуктивные в творческом отношении решения. Тем не менее, повторим, статья соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным публикациям, она может быть рекомендована к печати. Небольшие погрешности («французский философ, рассматривает идеальное и материальное», - зачем запятая? - и т.п.) могут быть исправлены в рабочем порядке.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Свергузов А.Т. К вопросу о диалектике научного познания в отечественной философии: проблема взаимосвязи рефлексии и рациональности // Философская мысль. 2024. № 6. С. 25-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.6.70020 EDN: QGCRJX URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=70020

К вопросу о диалектике научного познания в отечественной философии: проблема взаимосвязи рефлексии и рациональности

Свергузов Анвер Тяфикович

ORCID: 0000-0002-1040-3044

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии науки и социальной работы, Казанский национальный исследовательский технологический университет

420015, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. К.Маркса, 68

atsverguzov@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия науки"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.6.70020

EDN:

QGCRJX

Дата направления статьи в редакцию:

29-02-2024

Аннотация: Предметом исследования является взаимосвязь феноменов рефлексии и рациональности в структуре механизмов научного познания. Сравниваются результаты, полученные в рамках отечественной философии в разные периоды ее развития – советский и современный этапы. Обращается внимание на фундаментальность результатов исследований взаимосвязи рефлексии и рациональности, полученных в советский период развития философии. В философии того периода была предложена концепция, которая осталась вне поля зрения современных исследований проблемы. Особенностью предмета советской концепции является понимание взаимосвязи рефлексии и рациональности как диалектической взаимосвязи. Предмет современных отечественных исследований испытывает влияние западной, позитивистской традиции изучения обоих феноменов. Характерной его чертой является стремление к обосновленному рассмотрению рефлексии и рациональности в науке. Методом

исследования является диалектико-материалистический подход. Специфика исследования заключается в анализе взаимосвязи рефлексии и рациональности посредством выделения смысловыявляющей функции рефлексии как основной. Новизна работы характеризуется применением результатов советских диалектических исследований проблем рефлексии и рациональности в науке к современному анализу проблемы. На примере современных отечественных исследований демонстрируется необходимость учета диалектического характера взаимосвязи рефлексии и рациональности. Показывается современная дискуссия по этой проблеме в рамках диалектического контекста, конституируемого рамками взаимосвязи рефлексии и рациональности. Выражается мысль, что этот контекст указывает на фундаментальность диалектического метода, на его адекватность как способа анализа существующего понимания проблемы. В частности, диалектико-материалистическая методология будет способствовать разрешению, по выражению одного из современных исследователей, «эпистемологического тупика», которым он характеризует результаты современного изучения проблемы рефлексии. Делается вывод о продуктивности возобновления диалектических исследований в современной философии.

Ключевые слова:

отечественная философия, философия науки, диалектико-материалистический подход, позитивистский подход, рефлексия, рациональность, смысловыявляющая функция рефлексии, смыслополагающая функция рефлексии, методологическая функция науки, интервальный подход

Работа является продолжением предыдущей публикации [1], в которой современные исследования проблемы научной рефлексии рассматривались в диалектическом контексте. Речь шла о контексте, задаваемом внутренним противоречием рефлексии, выраженным взаимосвязью смысловыявляющей и смыслополагающей функций рефлексии. В данной работе также предлагается рассмотреть современные исследования проблемы в диалектическом контексте. В контексте, заданном внешним противоречием рефлексии, выраженным взаимосвязью научной рефлексии и научной рациональности.

В истории философии выделяют разные трактовки понятия «рефлексия». Принципиальные отличия выражены в философии Гегеля и диалектическом материализме. Анализируемая проблема лежит в плоскости противостояния диалектических методологий, выраженных этими подходами. В данном исследовании проблема рассматривается в диалектико-материалистическом смысле. Гегель ограничивает рефлексию сферой замкнутого на себя мышления. Источник развития мышления находится в самом мышлении. Рефлексия, как элемент гегелевского диалектического метода, характеризует взаимоотношение понятий как форма их отражения друг в друге. С точки зрения этого подхода, взаимосвязь рефлексии и рациональности лежит в сфере «чистого» мышления. В диалектическом материализме мышление рассматривается шире, как практически ориентированное мышление. Источник развития мышления находится не только в мышлении, но и в практике. Рефлексия осуществляется над мышлением, отражающим действительность. Здесь рациональность характеризует отражение действительности в мышлении. Поэтому взаимосвязь рефлексии и рациональности выходит за рамки «чистого» мышления. Именно в этом, а не гегелевском смысле используется понятие «внешнее противоречие»

по отношению к взаимосвязи рефлексии и рациональности.

В предыдущей работе сравнивались результаты изучения проблемы рефлексии, полученные в рамках отечественной философии советского и современного периодов ее развития. По сути, речь шла о противостоянии советской и западной традиций. Констатировалось, что советская концепция осталась вне поля зрения современных исследователей. Их внимание оказалось смещено к проблематике, предлагаемой западной, позитивистской традицией. Отношение к советским результатам В.А. Бажанов, один из основных советских исследователей проблемы рефлексии, характеризует как «малоинтересные» [2, с. 31-32].

Обратим внимание, что советские исследования рефлексии выходят за временные рамки существования СССР [например: 3]. Особенностью результатов советской концепции является выделение двух аспектов научной рефлексии. А именно, диалектика научной рефлексии характеризуется двухуровневой структурой. Основные взаимосвязанные стороны научной рефлексии – внешняя и внутренняя. Внешняя сторона характеризуется диалектикой отношений научной рефлексии и научной рациональности. Внутренняя сторона – диалектикой отношений смыслополагающей и смысловыявляющей функций рефлексии.

Следует подчеркнуть, что диалектический характер рефлексии означает, что отрыв указанных противоположностей друг от друга приводит к искаженному пониманию противоположностей самих по себе. Это может выражаться, например, игнорированием как феномена рефлексии, так и феномена рациональности в науке. История западной философии науки непосредственно это демонстрирует. «С точки зрения диалектики рефлексивного и рационального можно рассматривать неопозитивистские и постпозитивистские концепции науки как акцентирование либо на рациональной, либо на рефлексивной стороне ее развития» [3, с. 17]. Как известно, основные идеи неопозитивизма в западной философии были сформулированы в рамках деятельности «Венского кружка». Для него было характерно стремление к абсолютизации рациональной стороны научного познания, выделить универсальный метод научного познания, ограничить рефлексию анализом языка науки. Но неопозитивизму не удалось вывести идеал научной рациональности, модель «полностью формализованной теории» и, таким образом, избавиться от необходимости «бессмысленной» рефлексии над основаниями научного знания [4].

Основную тенденцию постпозитивизма выразил критический рационализм. Если неопозитивизм заострял внимание на рациональной стороне научного познания, то постпозитивизм на рефлексивной. Если в неопозитивизме проблему научной рациональности сузили до соответствия логико-методологическим стандартам, то в постпозитивизме проблему рефлексии свели к критическому моменту: подлинная рациональность предполагает предельную критико-рефлексивную позицию субъекта, «бескомпромиссную критику». Методология критицизма привела его представителей к отказу от попыток выделить критерии различия рационального и иррационального, научного и ненаучного [5].

Западная традиция в современной отечественной философии может выражаться по-разному. Например, О.Е. Столярова во взаимосвязи рефлексии и рациональности абсолютизирует рефлексивную сторону развития науки. А внутри проблемы рефлексии абсолютизирует смыслополагающую функцию. Е.Г. Цуркан развитие науки анализирует лишь с точки зрения феномена рациональности. «Второе положение касается

возможности принятия "рациональности" в качестве универсального критерия научного прогресса. Утверждается и обосновывается сомнение в применимости данного критерия к оценке достижений научного знания вообще, вместе с тем применение данного критерия к частным наукам представляется возможным» [\[6, с. 65\]](#).

Западные исследования рефлексии в целом, с точки зрения диалектико-материалистического подхода, не выходили за рамки смыслополагающей функции, то есть за рамки традиционного понимания рефлексии. В советской философии о необходимости преодоления традиционного понимания рефлексии, о дополнительности смыслополагающей и смысловыявляющей работ сознания утверждал А.П. Огурцов [\[7, с. 17\]](#). На «методологическую функцию науки» указывал В.Т. Салосин [\[8, с. 71-72\]](#). В.А. Киносян характеризовал эту функцию термином «методологический демарш науки» [\[9, с. 38\]](#). В целом, при анализе этой проблемы, советские исследователи указывали на принцип саморефлексивности научного знания. Рефлексия в традиционном понимании, по словам Х. Кронблита (H. Kronblith), это знание второго порядка по отношению к знанию первого порядка, которое, в свою очередь, также должно быть подтверждено рефлексией, и так далее до бесконечности, что служит источником тотального скептицизма [\[10, pp. 12-14\]](#). Игнорирование основной, то есть смысловыявляющей функции превращает рефлексию, говоря словами Гегеля, в «дурную бесконечность», т.е. не имеющую рациональных ограничений. Неудивительно, что результаты традиционного анализа феномена рефлексии даже по западным оценкам оказались неудовлетворительными, «феномен потерял свой радикализм и четкие контуры» [\[11, р. 96\]](#). О.Е. Столярова метко охарактеризовала эту ситуацию как «эпистемологический тупик» [\[12, с. 82\]](#).

В центре нашего внимания оказалась позиция О.Е. Столяровой, так как именно вокруг ее позиции развернулась так называемая «панельная дискуссия» на страницах журнала «Эпистемология и философия науки» №4 за 2022 год. Она, по нашему мнению, является ярким выражителем традиционного понимания рефлексии в современной отечественной философии.

Если говорить о внутреннем противоречии рефлексии, то позиция О.Е. Столяровой противоречива [подробнее: 1]. С одной стороны, она вроде бы предполагает, если говорить в терминах диалектико-материалистического подхода, взаимосвязь смыслополагающей и смысловыявляющей функций рефлексии: «...философская рефлексия, даже обращенная на себя, не может не учитывать результаты эмпирических наук» [\[13, с. 50\]](#). «...Ограничение философской рефлексии областью эпистемологии неизбежно приводит к скептицизму. Чтобы избежать парализующего скептицизма, нужно допустить, что философская рефлексия наряду с эпистемологической ролью играет не менее важную онтологическую роль... При этом она является не столько эпистемологическим обоснованием, сколько генетическим объяснением знания и раскрывает вовлеченность познающего субъекта в реальный мир» [\[12, с. 81\]](#). «Все уважаемые комментаторы, будучи философами, так или иначе выразили общую мысль о том, что философская рефлексия, даже обращенная на себя, должна учитывать практики и результаты эмпирических наук» [\[13, с. 54\]](#). Но, с другой стороны, она в конечном итоге не выходит за рамки традиционного понимания рефлексии, сводя ее к смыслополагающей функции: «...за каждым научным фактом лежат предпосылки, или социальные факторы, скрытые от "наивных" ученых. Но социальные факторы – это не голые факты. Это культурный, политический, идеологический, коммуникативный

бэкграунд, который служит источником объяснения и фактов, и обобщающих факты научных теорий» [\[13, с. 52\]](#).

Для нее взаимосвязь смыслополагающей и смысловыявляющей функций означает дублирование функций, неприемлемую редукцию смыслополагающей функции к смысловыявляющей. «Рефлексивность не дублирует исходную, "наивную" позицию, на которую она обращена и не находится внутри нее. Она объективирует свой предмет, берет его, так сказать, в готовом виде для того, чтобы "провернуть фарш назад". Внешняя позиция – необходимая предпосылка рефлексивного акта, источник объясняющей власти над "наивной" позицией» [\[14, с. 27\]](#). С точки зрения В.А. Бажанова [\[2, с. 32-33\]](#) и В.Н. Поруса [\[15, с. 44\]](#) позиция О.Е. Столяровой игнорирует принцип саморефлексивности научного знания.

Принцип саморефлексивности означает, что смысловыявляющая функция является основной для научного познания. Функция предполагает вычленение и реконструкцию из актуальной научной рациональности встроенного в нее сознания. Для О.Е. Столяровой это, по сути, не полноценное сознание, а лишь «наивная», простая позиция. С точки зрения советских исследователей, речь должна идти непосредственно о субъективности, на позиции которой должен стать реальный субъект познания. Это субъективность, полная реконструкция которой возможна, по нашему мнению, только при переходе к новой рациональности, когда встроенный субъект действительно займет, в терминологии О.Е. Столяровой, «внешнюю позицию» по отношению к прежней рациональности. При этом «внешняя позиция» будет иметь внутренние объективные, а не субъективные, по сути, экстерналистские основания, как это предполагается у О.Е. Столяровой.

Если говорить о взаимосвязи рефлексии и рациональности в научном познании, то ее смысл заключается в переходе в рефлексивный план рациональной формы движения научного знания. «Рациональное в одних ситуациях перестает быть таковым в других. Научная деятельность формирует в ходе своего самоизменения собственные предпосылки и основания, которые выявляются и развиваются в ходе рефлексии» [\[3, с. 13\]](#). При этом рациональный этап движения является основным. «В процессе своего развития наука как бы "вводит" методологические представления и проблемы различной степени общности (в том числе и философские) в научное сообщество» [\[3, с. 5\]](#). Смена рефлексивных ориентиров сопровождает реальное развитие науки, а не наоборот. «Специфика саморефлексивности науки заключается не столько в контроле научного сознания за формированием предпосылок научного познания (это практически полностью неосуществимо), сколько в объективно обусловленном механизме саморегуляции научного познания» [\[3, с. 12-13\]](#). «Рефлексия при нарушении понимания выступает конструктивным средством восстановления включенности субъекта в концептуальные структуры знания» [\[3, с. 13\]](#).

Советские исследования говорят о существовании в науке «сознания», непосредственно вплетенного в ткань научного познания. «Имеет смысл рассматривать (помимо реально действующего в науке субъекта) субъективность, конституируемую нормами и принципами научной рациональности. При этом сущность рефлексии реального субъекта заключается в актуализации познавательной позиции, субъективности, ответственной за целевую направленность реального движения научного знания. В ходе рефлексии осуществляется проникновение во внутреннюю структуру научной деятельности и выявление ее целевой направленности. Реальный субъект познания, независимо от

социокультурных реалий и установок собственного сознания, при смене исторического типа научной рациональности вынужден встать на позиции новой субъективности (являющейся продолжением и завершением исследуемой объективности). Таким образом, рациональное познание обеспечивается переходом в план рефлексии и общая цель рефлексии заключается в вычленении из реального процесса научного познания такой совокупности структур (сущностей), путем работы с которой посредством полностью осознанной их реконструкции, развития достигается понимание рационального в науке» [3, с. 20-21]. «...Сущность рефлексивной деятельности заключается в актуализации оснований научной рациональности» [3, с. 6]. О существовании функции научной рефлексии, заключающейся в проникновении во внутреннюю структуру научной деятельности и выявлении ее целевой направленности утверждает В.Н. Духанин [16, с. 115-116, 119]. О том, что рефлексия «требует реконструкции непосредственно существующего, "фактического" сознания» говорит Е.А. Алексеева [17, с. 91]. О «конституируемом нормами научного познания разума» говорит В.В. Ильин [18, с. 110].

С точки зрения диалектико-материалистического подхода, в самом общем виде источником познания выступает практика. Здесь находится основное противоречие между субъектом и объектом, потребность в разрешении которого порождает саму необходимость познания. Обусловленность сознания практическим отношением человека к миру ведет к тому, что сознание меняется, если меняется это практическое отношение. В научном познании субъект вынужден считаться с объектом, приспосабливать к нему свои цели. Кардинальное изменение деятельности объективно может менять содержание рациональной, а вслед за ним и рефлексивной сферы. Происходит скачок к качественно новым теориям, предполагающим иной тип рациональности и рефлексии. С этой точки зрения, например, научная революция на рубеже XIX-XX веков происходила не только как смена типа рациональности, но и как смена рефлексивных ориентиров научного познания.

Нельзя говорить о том, что научное сознание способно полностью контролировать исходные предпосылки формирования научного знания. Наличие научного метода не гарантирует получение запланированного результата, так как метод должен формироваться в соответствии с качественным своеобразием предмета. Развитие и обоснование научного знания является единым процессом. Фундаментальные теории нельзя отнести к разряду запрограммированных. Поэтому они и вызывают революционные перевороты в научном самосознании. Например, квантовая механика была создана под давлением массива экспериментальных данных и вопреки методологическим (рефлексивным) установкам прежней физической картины мира. Поэтому, когда мы говорим, например, что «революционные научные открытия конца XIX – начала XX в. и дальнейшее развитие науки и техники привели к кризису рациональности и пересмотру ее границ» [19, с. 271], то следует добавить «и к кризису рефлексии, соответствующей данной рациональности».

Для обоснования данного подхода следует обратиться к практике образования фундаментальных научных теорий. Показательным примером является история создания квантовой механики, которая лежит в фундаменте современной физики. В нерелятивистской форме она создавалась на протяжении почти тридцати лет от выдвижения идеи квантов М.Планком в 1900 году до формулировки принципа неопределенности Гейзенбергом в 1927 году. История свидетельствует о том, что квантовая механика предполагалась как временная теория, на смену которой должны были прийти прежние классические представления. Среди противников квантово-

механических представлений был, например, А.Эйнштейн, который получил Нобелевскую премию за результаты в области квантовой механики. Свою рефлексивную «внешнюю позицию» он сформулировал по-философски образно: «Бог в кости не играет». Однако, дальнейшее развитие науки эту позицию не приняло. Как и не приняло его позицию в отношении общей теории относительности, когда он пытался вывести из нее стационарную модель Вселенной.

О.Е. Столярова искаивает понимание рациональности, замыкает ее на себя, вводит понятие «замкнутый круг рациональности», выход из которого осуществляется только благодаря «внешней позиции» субъекта рефлексии. «В статье обсуждается проблема кругового доказательства, которое возникает при философском обсуждении рациональности, ее идеалов и стандартов. При попытках определить, что такое рациональность, мы вынуждены ссылаться на ее идеалы и критерии, рациональность которых должна быть заранее установлена посредством рациональных процедур. Эта ситуация характеризуется как эпистемический круг инструмента и результата и сопоставляется с ситуацией регресса экспериментатора. Регресс экспериментатора представляет собой круговое рассуждение, при котором судить о правильности получаемых научных результатов можно только на основании правильности процедуры их получения, а судить о правильности процедуры их получения невозможно без ссылки на полученные результаты. Таким образом, сторонники объективности полученного результата и их оппоненты не имеют оснований для того, чтобы сделать разумный выбор из представленных альтернатив. Эпистемологическая проблематизация регресса экспериментатора косвенным образом проблематизирует теории рациональности, так как наука и принятые в ней критерии рационального выбора выступают как стандарты рациональности самой по себе. Показано, что эпистемологическое обоснование преодоления регресса экспериментатора осуществляется за счет обращения к «внешним факторам», которые рационализируются эпистемологом». [\[19, с. 141\]](#). По нашему мнению, никакой «замкнутой рациональности» нет. Рациональность всегда не завершена и в явном виде выход за рамки «круга» осуществляется реальным развитием научного знания при переходе к новому типу рациональности.

О.Е. Столярова искаивает понимание научной рациональности, отрицая взаимосвязь между различными этапами ее развития. Рациональность по отношению к предшествующему этапу развития науки трактует как «альтернативную рациональность». Соответственно искаивает также понимание научной рефлексии, ограничивая ее рамками данной рациональности. «Дело в том, что в структуру научной рациональности изначально было включено противоречие. Заявив о себе как о новом методе познания, для которого единственным безусловным авторитетом является опыт, наука отвергла предшествующую познавательную традицию как спекулятивную и авторитарную и учредила новое пространство истины. В этом пространстве истина не была задана априори; она раскрывалась (или создавалась) в процессе систематического освоения опытных данных эмпирическими субъектами и в ходе свободной дискуссии, которая должна была приводить к разумному согласию. Однако принятые «правила игры» существенно ограничивали свободу. Внимание к оппозиционной точке зрения признавалось осмысленным, только если эта точка зрения формулировалась в терминах новой познавательной парадигмы. Иными словами, истина конструировалась апостериори, но лишь в заранее заданных (априорных) условиях и никак иначе. Будучи альтернативной рациональностью по отношению к предшествующей традиции, наука делала ставку на критическое мышление и альтернативные точки зрения, но при этом исключала любую познавательную альтернативу, выходящую за пределы новой модели научного познания» [\[20, с. 269\]](#).

Как видим, О.Е. Столярова отрицает способность научной рефлексии, встроенной в рамки научной рациональности, выйти за эти рамки. Чтобы сделать это, рефлексия якобы не должна опираться на рациональность. «Вместе с тем встроенное в научную рациональность критическое мышление, некогда обеспечившее науке победу над авторитаризмом традиции, обладает возможностью выступить оппонентом по отношению к самой науке. Сила критического мышления заключается в его рефлексивной способности занимать внешнюю позицию по отношению к самому себе как своему объекту и тем самым ликвидировать монополию на истину. Именно это происходит во времена поздней современности и постсовременности, когда объектом критического мышления становится научная рациональность» [\[20, с. 269\]](#). Как мы уже говорили, «внешняя позиция» осуществляется объективно, в явном виде при переходе к новому этапу научной рациональности. Рефлексия естественным образом занимает «внешнюю позицию» по отношению к предыдущей рациональности. Что касается данной рациональности, то встроенная в нее рефлексия, по нашему мнению, всегда обладает признаками «внешней позиции», так как никакая рациональность не является законченной и должна быть актуализирована рефлексией.

О.Е. Столярова считает, что встроенная в рациональность рефлексия («натурализация рефлексии») не является рефлексией, так как подлинная рефлексия есть обоснование знания. «Натурализация рефлексии предполагает перевод её в термины реально существующих, то есть наблюдаемых, физических процессов. Показано, что при таком подходе специфика рефлексии как знания второго порядка стирается. Знание второго порядка, переведённое в термины наблюдения, не имеет никакого качественного отличия от знания первого порядка и не несёт никакой нормативной нагрузки» [\[21, с. 54\]](#). С нашей точки зрения, сущность «натурализованной» рефлексии не меняется, так как реальный субъект осуществляет рефлексию даже с позиции встроенной субъективности. О.Е. Столярова трактует эту позицию как примитивную, «наивную», как принятие на веру готового знания. «Таким образом, рефлексия противоположна наивности – принятию на веру чужих убеждений или непосредственному переживанию тех или иных впечатлений» [\[21, с. 58\]](#). Повторяем, никакого «готового знания», рациональности нет, так как завершенное знание надо создать, реконструировать путем рефлексивной, критической работы.

О.Е. Столярова во взаимосвязи рефлексии и рациональности искажает роль рефлексии, так как сводит ее к смыслополагающей функции. Напомним, что с ее точки зрения, предпосылки научного знания находятся во внешнем социокультурном контексте науки: «...за каждым научным фактом лежат предпосылки, или социальные факторы, скрытые от "наивных" ученых. Но социальные факторы – это не голые факты. Это культурный, политический, идеологический, коммуникативный бэкграунд, который служит источником объяснения и фактов, и обобщающих факты научных теорий» [\[13, с. 52\]](#). «...Наивный и рефлексивный режимы не могут совпадать друг с другом. В наивном режиме мы не можем знать порождающий наше знание контекст, но в рефлексивном режиме этот неартикулированный контекст становится предметом внимания и артикулируется» [\[21, с. 64\]](#). Таким образом, получается, что научное знание есть продукт рефлексии. «Если рефлексия артикулирует контексты, или раскрывает допущения того или иного знания, которое она пытается понять и объяснить, то для неё эти контексты, эти допущения являются заранее обоснованными. Они обоснованы постольку, поскольку они объясняют и описывают наличествующее (объясняемое) знание, которое самим фактом своего существования подтверждает существование порождающих его условий (если

существует следствие, то существует и причина)» [\[21, с. 64\]](#). «Если мы фиксируем следствие – знание первого порядка, то его причина существует и раскрывается знанием второго порядка. Если же речь идёт о причинах, то мы имеем дело с онтологической работой рефлексии» [\[21, с. 66\]](#). Как видим, с ее точки зрения «онтологическая работа» не продукт рационального движения самого научного знания, а продукт внешней по отношению к науке рефлексии.

Более того, О.Е. Столяровой считает, что объяснение знания рефлексией лежит за рамками критериев истинности-ложности. «Начиная с несомненного факта наличия знания, трансцендентальная рефлексия движется к его основаниям, которые выступают источником объяснения знания» [\[21, с. 65\]](#). «Но к источникам объяснения, или порождающим условиям знания, не применимы критерии истинности или ложности. Порождающие условия выполняют объясняющую функцию. Они не являются ни истинными, ни ложными. Они существуют постольку, поскольку существует знание, которое они объясняют (как существуют грамматические правила в силу того, что существует описываемый ими естественный язык)» [\[21, с. 65\]](#).

Не удивительно, что в современной прозападной философии существует некое уравнивание мифа с наукой. «Однако архетипы, – притом, что они отсылают к началам, образцам, интегралам и неподвластным времени идеалам, – демонстрируют удивительную гибкость по отношению к радикально новым изменениям человеческого существования, ломающим границы возможного. Вечные образы мифологического мышления несут в себе безграничные многозначность и вариативность своих проявлений. Они включают в свое смысловое поле динамику исторических событий, непредсказуемость и случайность, новизну и стихийность» [\[22, с. 272\]](#). С нашей точки зрения, во-первых, мы уже говорили, не всякая рефлексия принимается наукой. Во-вторых, сама наука с развитием становится «фантастичнее», сложнее и богаче смыслами, чем любой миф.

Что касается критики позиции О.Е. Столяровой, то в современной отечественной философии мы ее усматриваем со стороны, например, «интервального подхода». Так, В.А. Бажанов не согласен с тем, что в «наивной позиции», т.е. внутри наличной рациональности нельзя осуществлять полноценную рефлексию. «Ольга Евгеньевна обращает внимание на тот факт, относящийся к сильной программе в STS, что ее последователи не смогли дистанцироваться от предмета своего изучения и занять внеположенное отношение к нему, т.е. это суждение надо понимать так, что они оставались "внутри" своей программы и не смогли осуществить подлинную рефлексивность, выйти на внешнюю позицию. В этом плане в отечественной философии также можно найти важные наработки. Я имею в виду в первую очередь интервальный подход (М.М. Новоселов, Ф.В. Лазарев), в котором дается четкое различие внутри- и вне- интервальных ситуаций, оперирующих, вообще говоря, абстракциями с различными разрешающими свойствами и поэтому позволяющими анализировать предметные области с "внешних позиций" и осуществлять полноценную рефлексию с некоторой наперед заданной "гносеологической точностью"» [\[2, с. 35\]](#).

Обратим внимание, что интервальный подход имеет корни в советской философии, на что указывают его разработчики Е.Б. Агошкова и М.М. Новоселов. «Кажется, что за последние полвека, усилиями интервального анализа, аппарат абстракций получил более полное (чем прежде) теоретическое оформление» [\[23, с. 51\]](#).

Центральным в подходе является понятие «интервал абстракции». «Ключевым в этом

методологическом течении стало понятие интервала абстракции как выражения семантической полноты понятий и одновременной их "замкнутости в границах"» [\[23, с. 46\]](#). При переходе от старой теории к новой, или от прежней рациональности к новой меняется интервал абстракций, служащих средствами рефлексивного анализа. «Развитие теории, её распространение на более широкую предметную область означает, что при построении новой теории мы рассматриваем уже иной интервал условий и, соответственно, получаем иной интервал содержания теоретических законов. Принцип соответствия как методологический принцип науки как раз и означает, что возврат к прежнему интервалу условий приведёт и к прежнему интервалу содержания теории» [\[23, с. 56\]](#). Как видим, здесь, по сути, говорится и о взаимосвязи различных этапов рационального движения научного знания, и о соответствующих им типах рефлексии.

По нашему мнению, интервальный подход подтверждает диалектику взаимосвязи рефлексии и рациональности в научном познании. В его рамках утверждается взаимосвязь всех элементов познавательного процесса. «При этом сам собою возникал вопрос о полноте охвата методами и критериями всех актов познавательного процесса. Поиск белых пятен в гносеологии и методологии науки вновь стал насущной задачей. Итогом явилось создание двух фундаментальных направлений в методологии – системного подхода к объектам познания и интервального подхода к полученному знанию» [\[23, с. 45\]](#). На основании анализа физических теорий Е.Б. Агошкова и М.М. Новоселов делают вывод противоположный, чем вывод О.Е. Столяровой. «Что касается самих физических теорий, то их формальная структура (математическая физика) менее значима для наших целей, чем содержательная их сторона (теоретическая физика), с предельной ясностью открывающая простор для философского анализа, который приводит нас к заключению, что границы познания рождаются не снаружи, а внутри структуры теории» [\[23, с. 48\]](#).

В предыдущей статье [\[1\]](#) мы делали вывод о продуктивности возобновления диалектических исследований проблемы рефлексии. В советской философии была показана диалектическая сущность научной рефлексии, ее объективное значение в механизме функционирования научного знания. И задачей той статьи было показать анализ проблемы научной рефлексии в современной отечественной философии с точки зрения диалектики. В заключении говорилось о возможности продолжения исследования с целью показать с точки зрения диалектики современный анализ проблемы взаимосвязи рефлексии и рациональности. В данной работе мы попытались выполнить эту задачу. Исследование проводилось на основании результатов диалектических исследований проблемы рефлексии в отечественной философии советского периода. В конечном итоге, можно усилить предыдущий вывод утверждением о необходимости возобновления диалектических исследований в отечественной философии не только по проблемам философии науки.

Библиография

1. Свергузов А.Т. К вопросу о диалектике научного познания в отечественной философии: проблема рефлексии // Философская мысль. 2023. № 12. С. 83-92.
2. Бажанов В.А. Об анализе феномена рефлексии в науке в отечественной философии и в сильной программе STS // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 4. С. 31-37.
3. Свергузов А.Т. Рефлексия в структуре механизмов научного познания: автореферат дисс... к-та филос. наук: 09.00.01. Самара: СамГУ, 1996. 23 с.
4. Швырев В.С., Пугачев Н.Н. Неопозитивизм // Современная западная философия:

- Словарь / составители Малахов В.С., Филатов В.П. М.: Политиздат, 1991. 414 с. С. 202-203.
5. Порус В.Н. Критический рационализм // Современная западная философия: Словарь / составители Малахов В.С., Филатов В.П. М.: Политиздат, 1991. 414 с. С. 139-141.
 6. Цуркан Е.Г. Научный прогресс, рациональность и междисциплинарность // Эпистемология и философия науки 2023. Т. 60. № 2. С. 65-71.
 7. Огурцов А.П. Альтернативные модели сознания: рефлексия и понимание // Проблемы рефлексии: современные комплексные исследования. Новосибирск: Наука, 1987. 241 с. С. 13-19.
 8. Салосин В.Т. Рефлексия и интеграция наук // Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев: КГУ, 1983. 160 с. С. 69-72.
 9. Киносьян В.А. Философия и саморефлексия научного познания // Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев: КГУ, 1983. С. 36-40.
 10. Kronblith H. *On Reflection*. Oxford University Press, 2012. 177 pp.
 11. Ashmore M. Reflexivity in Science and Technology Studies, *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, 2nd edition, vol. 20. Oxford: Elsevier Press, 2015, pp. 93-97.
 12. Столярова О.Е. Философская рефлексия: эпистемологическая проблема и онтологическое решение // Трансцендентальный поворот в современной философии-7. Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект: Сборник тезисов международной научной конференции. Москва, 21–23 апреля 2022 года. М.: РГГУ, 2022. 161 с. С. 81-82.
 13. Столярова О.Е. Об универсальности философской рефлексии: ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 4. С. 50-54.
 14. Столярова О.Е. Кто исследует исследования науки и техники? О принципе рефлексивности с эмпирической и теоретической точек зрения // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 4. С. 21-30.
 15. Порус В.Н. Следует ли философская рефлексия оснований научных исследований принципу эмпиризма? // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 4. С. 44-49.
 16. Духанин В.Н. Формирование социального знания. Саратов: СГУ, 1983. 141 с.
 17. Алексеева Е.А. Рациональность и сознание: историко-теоретический очерк проблемного обоснования рациональности. Минск: Наука и техника, 1991. 93 с.
 18. Ильин В.В. Критерии научности знания. М.: Высшая школа, 1989. 128 с.
 19. Столярова О.Е. О круговом понимании рациональности и регрессе экспериментатора / О.Е. Столярова // Вопросы философии. 2023. № 10. С. 141-145.
 20. Столярова О.Е. Научный популизм как эволюция рациональности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 266-272.
 21. Столярова О.Е. О философской рефлексии с точки зрения эпистемологии и онтологии / О.Е. Столярова // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6, № 2. С. 54-67.
 22. Столярова О.Е. Миф науки – границы архетипов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 266-274.
 23. Агошкова Е.Б., Новоселов М.М. Интервальность в структуре научных теорий // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 44-58ю

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье автор предлагает вернуться к рассмотрению места рефлексии в структуре рациональности с учётом опыта отечественной философии советского периода. Стремление внимательно отнестись к работам отечественных исследователей этого времени заслуживает поддержки, большая часть публикаций последних десятилетий игнорировала достижения советской философии даже в тех областях, которые никак не зависели от идеологических предпочтений, в частности, в философии науки. Однако реализацию указанного замысла в представленном тексте трудно назвать безупречной. Например, в самом начале автор крайне путано определяет задачу статьи: «рассмотреть диалектический контекст, заданный внешним противоречием рефлексии, выраженным взаимосвязью научной рефлексии и научной рациональности». Не обращая пока внимания на последнюю часть этой формулы, зададимся вопросом: а нуждается ли в каком-либо обосновании столь тривиальное положение, что указанный «контекст» может быть лишь диалектическим? Далее, а на каком основании автор говорит здесь о «внешнем противоречии»? Этот гегелевский термин (используемый философом в «Учении о сущности») имеет вполне определённый смысл, который никак не соотносится с представляющей в данном случае ситуацией. Автор должен или найти другой термин, выражающий его мысль, или показать, почему он считает возможным использовать здесь гегелевский термин. Трудно назвать удачным и выбор литературы. Так, весьма значительная часть текста посвящена обсуждению публикаций О.Е. Столяровой, а в списке литературы указано 7 источников этого автора. Не странное ли это решение на фоне множества других публикаций, как прошлых лет, так и современных? Далее, имеются весьма серьёзные основания сомневаться в том, что автор понимает, какие историко-философские феномены скрываются за выражениями «неопозитивизм», «логический позитивизм», «постпозитивизм», хотя, казалось бы, эти понятия хорошо известны и давно представлены не только в публикациях по истории западной философии, но и в самых популярных учебниках. Прочитаем следующее высказывание: «Как известно (? – рецензент), основную тенденцию неопозитивизма в западной философии выразил логический позитивизм». Если автор понимает под последним деятельность «Венского кружка», так это и есть неопозитивизм в непосредственном смысле. Если же он ведёт отсчёт истории неопозитивизма от ранних работ Рассела или «Логико-философского трактата», то следует напомнить, что, например, Витгенштейна никто давно уже «не укладывает» в тесные рамки неопозитивизма (можно вспомнить известную публикацию А.Ф. Грязнова 1985 года). И что после того значит «как известно»? В тексте очень много неудачных выражений, которые выглядят либо тривиальными, либо и вовсе бессмысленными, например: «отрыв указанных противоположностей друг от друга приводит к искаженному пониманию противоположностей самих по себе» (разумеется! А как же могло быть иначе!); «не выходили за рамки смыслополагающей функции, то есть за рамки традиционного понимания рефлексии» (а кто доказал их тождество? И что в этом случае означает «смыслополагающая функция»?); «нельзя говорить о том, что научное сознание способно контролировать исходные предпосылки формирования научного знания» (а кто же тогда будет их контролировать?), и т.п. Остались в представленном материале и некоторые погрешности, связанные с оформлением, например, непонятно, зачем автор в самом тексте в скобках указывает не номер источника, а воспроизводит выходные данные работы. Рецензируемая статья может представлять некоторый интерес для читателя, но представленный вариант текста трудно признать готовым к публикации, рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

К вопросу о диалектике научного познания в отечественной философии: проблема взаимосвязи рефлексии и рациональности

Статья, представленная автором в журнал «Философская мысль», является продолжением публикации, направленной на возрождение интереса к современным исследованиям, связанным с проблемой научной рефлексии, представленной в диалектическом контексте. Предметом исследования данной работы является дискуссия, разворачивающаяся вокруг проблемы взаимосвязи рефлексии и рациональности в современной отечественной философии (на примере критического анализа философской позиции О.Е. Столяровой).

Актуальность данной темы автор связывает с необходимостью продолжить уже существующую научно-методологическую традицию обсуждения проблемы научной рефлексии, но подчеркивает при этом необходимость рассматривать ее в диалектическом контексте. Как следствие, его методология исследования основана на диалектическом подходе, акцентирующем внимание на внешнем противоречии научной рефлексии и научной рациональности. Автор статьи четко обозначает свою позицию как диалектико-материалистическую и противопоставляет ее гегелевскому диалектическому варианту понимания рефлексии как сферы замкнутого на себя «чистого» мышления (в статье при этом нет ссылок на самого Гегеля, что вызывает вопросы).

Представляя цель своего исследования, автор указал на необходимость продолжить дискуссию относительно позиции по этому вопросу О.Е. Столяровой, вокруг которой в 2022 году развернулась «панельная дискуссия» на страницах журнала «Эпистемология и философия науки» № 4. Автор подчеркивает, что позиция Столяровой оказалась в центре современных научных дискуссий, поскольку является ярким примером традиционного понимания рефлексии. Хотя чуть позже в статье, указывается, что сама позиция О.Е. Столяровой не совсем однозначна и даже противоречива.

Научная новизна в работе заявлена как обоснование собственной позиции автора в отношении эпистемологической значимости рефлексии в поле научной рациональности, рассматриваемой с позиции диалектического материализма.

Поставленные задачи в полной мере раскрывают цель исследования.

Название статьи в целом соответствует содержанию.

Статья логично выстроена, но не структурирована (возможно, это связано с лаконичностью изложения).

В процессе знакомства со статьей, возникает ряд вопросов, которые имеют дискуссионный характер:

1. Насколько автор осознанно в своей работе оставляет без внимания работы по данной теме И.Т. Касавина, П.П. Гайденко, Б.С. Грязнова, В.С. Швырева, В.С. Степина, В.А. Лекторского и других отечественных мыслителей? Возможно, их взгляды на данную проблему станут предметом для следующих статей? В этом ключе хотелось бы обратить внимание на известный спор о природе философской рефлексии, где И.Т. Касавин предложил свое видение данной проблемы, чем вызвал серьезный научный спор, не менее актуальный, чем тот, на котором сосредоточился автор статьи.

2. Особенno должна быть близка, на мой взгляд, автору данного исследования позиция советского философа М.К. Мамардашвили (Классический и неклассический идеалы

рациональности. 1994.). Известный мыслитель непосредственно связывает принципы классического рационализма с принципами рефлексии, непрерывности и пространственности, а именно «с требованием полной пространственной артикулированности предмета во вне самого себя (и доступно внешнему наблюдению)». Мамардашвили отмечает, что в процессе рефлексии сознательные явления создают собственное пространство и время и словно ускользают от нашего наблюдения, заданного классическими правилами, таким образом, возникает сложное диалектическое противоречие. Но здесь философ идет дальше и затрагивает важную перспективу в научном исследовании, поскольку он говорит о существовании другой неклассической формы рациональности.

3. Если речь идет в статье о диалектическом взаимодействии, то последовательно было бы рассматривать рефлексию как часть диалогического процесса внутри научной рациональности?

4. В тексте встречаются повторы цитат, которые совпадают по тексту на нескольких страницах. Насколько это уместно с точки зрения автора? В частности: «за каждым научным фактом лежат предпосылки, или социальные факторы, скрытые от "наивных" ученых. Но социальные факторы – это не голые факты. Это культурный, политический, идеологический, коммуникативный бэкграунд, который служит источником объяснения и фактов, и обобщающих факты научных теорий» [13, с. 52].

Заключение, в котором автор излагает свои основные выводы, присутствует и достаточно подробно раскрывает результаты исследования.

В качестве положительного момента можно отметить четкую и последовательно реализованную методологическую позицию автора. Работа вполне органично выстраивается в целостное изложение материала.

Библиография отражает исследовательский материал и оформлена в соответствии с требованиями.

Характер и стиль изложения материала соответствуют основным требованиям, предъявляемым к научным изданиям такого рода.

В целом содержательная часть также соответствует требованиям научного текста. Статья вызывает желание дискутировать, что действительно важно в условиях современного положения философского знания.

Несмотря на высказанные замечания, которые носят скорее рекомендательный и дискуссионный характер, данная тема, на мой взгляд, имеет хорошие перспективы и может быть интересна для всех, кто интересуется философией науки, вопросами эпистемологии и методологии науки. Статья может быть рекомендована к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Васюков Р.В. Идеи ресентимента и бюрократического единства в философии социального управления // Философская мысль. 2024. № 6. С. 39-47. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.6.70342 EDN: QIRVYY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70342

Идеи ресентимента и бюрократического единства в философии социального управления

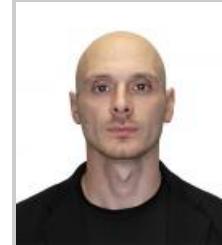
Васюков Ростислав Викторович

ORCID: 0009-0006-1904-1875

кандидат философских наук

доцент, кафедра комплекса гуманитарных дисциплин (субъект-субъектные отношения), Российский государственный социальный университет

123995, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4

✉ rostislawwww@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.6.70342

EDN:

QIRVYY

Дата направления статьи в редакцию:

03-04-2024

Аннотация: Объектом исследования данной статьи выступает социальное управление. Предмет исследования – ценностно-мотивационная составляющая организационных отношений в контексте общекультурных, нравственных, социально-политических тенденций современного общества. Статья акцентирует внимание на фундаментальных социально-философских и этических проблемах и противоречиях, раскрывающихся в таких системах отношений, как «организация – сотрудник», «руководитель – подчиненный». В статье предпринята попытка показать сложную моральную и политическую природу этих отношений, использовать ницшеанское понятие ресентимента для описания источников некоторых видов организационных конфликтов. Кроме того в поле зрения оказываются проблемы административного принуждения и насилия, бюрократического давления на личность сотрудника. Автором статьи в целом поддержана смысловая линия «биофилической» концепции Эриха Фромма, утверждающей необходимость сопротивления институциональному «некрофилическому»

воздействию на личность со стороны постиндустриального общества. Методологическую основу исследования составляют виталистические идеи Фридриха Ницше, Анри Бергсона и Жиля Делеза, "биофилическая" концепция Эриха Фромма, концепции "дисциплинарного общества" Мишеля Фуко и "общества контроля" Жиля Делёза, генеалогический метод и концепция ресентимента Фридриха Ницше и Макса Шелера. Новизна исследования заключается в попытке автора высветить ценностно-мотивационную составляющую современных организационных отношений в ее связи с общекультурными, нравственными, социально-политическими тенденциями современного общества. Значительное место в исследовании уделяется системному рассмотрению таких актуальных проблем социального управления, как организационные конфликты, административное насилие, бюрократическое давление, ресентимент подчиненных. Автор во многом стремится объединить теоретические линии экзистенциализма, постмодернизма и постструктурализма в их попытке раскрыть фундаментальные основания и тенденции постиндустриального общества и далее приложить их на исследование социального управления. Показана необходимость дальнейшего исследования влияния сферы социального управления на духовно-нравственное состояние личности и общества. Выделены возможные антропологические риски текущих тенденций бюрократизации различных сфер общественной жизни.

Ключевые слова:

Социальное управление, организация, ресентимент, бюрократия, личность, общество, организационный конфликт, мотивация, контроль, насилие

Введение

Современную организацию характеризуют как единую систему, конструкцию или тип социальной общности. Но удалось ли современным теории и практике менеджмента, философии социального управления обнаружить настоящие условия этого единства и общности? Важнейшая общепризнанная задача социального управления – сгладить антагонистические противоречия, возникающие в организации, устраниТЬ конфликт между администрацией и рядовыми сотрудниками, примирить их, сделать единым целом, работающим на благо организации.

Мероприятия, направленные на создание духа корпоративной солидарности, разнообразные формы поддержки рядовых сотрудников, создание полноценной развитой корпоративной идеологии и системы ценностей не могут в полной мере гарантировать единства и консолидации всех частей организации. Отношения власти и подчинения в социальном управлении как будто бы всегда содержат в себе перспективу конфликта, перспективу разрушения самого социального в управлении. Власть вроде бы и необходима в управлении, но она привносит сложнейшие противоречия, создает хроническую болезнь, которую необходимо постоянно купировать различными средствами.

Структура организации предполагает конфликты вертикального и горизонтального типа. В первом случае это столкновение вышестоящих кадров с нижестоящими в организационной иерархии, во втором случае конфликт разворачивается на одном уровне иерархии. Теорию менеджмента и философию управления исторически чаще интересовала проблема сглаживания конфликтов вертикального типа, однако современные исследования указывают на то, что и горизонтальные конфликты способны

нанести значительный ущерб организации [\[8, с. 288\]](#).

Самыми универсальными средствами преодоления внутренних противоречий и проблем организации традиционно выступали ротация и обновление кадрового состава [\[11\]](#). Такая важная роль ротации и обновления кадров в социально-управленческом плане, возможно, отчасти указывает на имплицитное (интуитивное, неявное) и эксплицитное (прямое, осознанное) использование биологических парадигм и представлений в области теории социального управления [\[11, с. 123-125\]](#). Здесь мы можем почувствовать отсылку к живому организму, для которого движение и непрерывность внутренних и внешних процессов обмена, являются важнейшим условием существования и развития [\[4, с. 44\]](#).

Оставаясь в рамках организма, мы могли бы попытаться классифицировать побудительные причины действий различных сторон организационных конфликтов. Одни из них уже изначально заложены в само существо, «организм» организации, и могут быть условно названы естественными. Другие имеют более сложный, привнесенный характер. Рассуждая о вертикальных конфликтах, к таким естественным причинам можно было бы отнести, в общем и целом все, что относится к стремлению сотрудника улучшить условия своего труда, установить для себя более справедливую систему вознаграждений и поощрений, добиться справедливых кадровых решений со стороны вышестоящих руководителей. Для руководящего звена к естественным причинам, можно было бы отнести все, что связано со стремлением повысить эффективность и результативность сотрудника. Сами по себе эти стремления отсылают нас к таким общим видам благ, как качество жизни человека и успешность, эффективность, прибыльность предприятия, организации [\[3, с. 209\]](#). Такого рода конфликты могут быть проиллюстрированы ситуациями, когда на одной чаше весов у нас оказываются благо отдельного человека как сотрудника, на другой - благо организации. К иным причинам можно отнести такие сложные мотивации, которые уже напрямую не связаны с каким-либо очевидным для той или иной стороны конфликта благом.

И если в условиях естественных причин конфликта, как правило, обнаруживается перспектива его преодоления с помощью коммуникации, диалога, оказывается возможным установить баланс в реализации интересов, то в условиях, выходящих за рамки естественных причин, прогнозировать перспективы разрешения конфликта оказывается сложно.

Попытаемся рассмотреть некоторые варианты источников такого рода сложных мотиваций.

Ресентимент в социальном управлении

Применительно к философии социального управления ресентимент можно было бы охарактеризовать как установку скрытого несогласия сотрудника, несолидарности, безразличия и даже враждебности по отношению к целям и ценностям организации. При этом сотрудник сохраняет свое место в организации, выполняет трудовые и прочие формальные обязанности. То есть его внутреннее несогласие и протест не приводят его к увольнению, но формируют враждебное отношение к организации. Это действительно не является редким явлением, особенно в не самой благоприятной экономической среде, сотрудник зачастую рискует столкнуться с безработицей, отсутствием возможности поиска нового места работы. Это побуждает человека оставаться на своей работе и при этом ненавидеть ее. Ресентимент формирует такую мотивацию сотрудника, которая

оказывается мало чувствительна к различным видам воздействия на нее со стороны руководства. То есть установка ресентимента добирается до самого глубинного, ценностного уровня личности сотрудника и стандартные методы мотивационного воздействия со стороны организации оказываются неэффективными.

В этом смысле ресентиментность сотрудников в некоторых случаях может выступить параметром, не учитываемым при анализе эффективности организационной системы. Ресентимент прежде всего склоняет к скрытым, неявным формам выражения [15] протеста – саботажу, игре на конкурента, поиску уязвимых мест организации в локальных регламентах, инструкциях и протоколах с целью нанесения вреда. Таким образом, организация может получить значительный для себя ущерб в силу ресентиментной установки своих сотрудников и должна всячески избегать ее формирования у них.

Не снимая индивидуальной ответственности с сотрудников и допуская возможность формирования ресентиментных установок не по вине организации, мы должны рассмотреть случаи, в которых прямым источником ресентимента становится именно сама организация.

Административное насилие

Социальное управление немыслимо без передачи определенных распорядительных сигналов от руководителя к подчиненному. Даже если мы абсолютно скроем управляющий элемент, деперсонализируем его (подобно тому, как в известных романах Франца Кафки приказы и поручения спускались из абстрактного «Замка» [7, с. 395-633] или вовсе от неизвестного источника, как в «Процессе» [там же, с. 227-394]), сам по себе акт этой передачи будет признаком наличия отношений власти. И в этом смысле социальное управление должно решать вполне определенные моральные и психологические проблемы.

И здесь видятся два основных источника такого рода проблем. Первый заключается в том, что технический, рациональный компонент управления вытесняет рефлексивно-моральный. Эффективность и результативность организации «здесь и сейчас» оказывается важнее отложенных моральных, психологических, социокультурных последствий. Организация может позволить себе легко ити на определенные жертвы в имеющихся правовых пределах. И становится рациональным добиться результатов, к примеру, оптимизировать внутренние процессы ценой блага и интересов сотрудников. В этом случае мы можем наблюдать собственно конфликт между рациональным и моральным.

Второй источник более общий. Он заключается в том, что описанная победа рационального над моральным произошла давно и произошла в рамках всего нашего общества. Общества и государства давно стали такими организациями на макроуровне и продолжают становиться всё более обществами контроля, в которых контролю, управлению и администрированию, не ограниченным никакими моральными рамками, подвергаются практически все сферы общественной жизни [6]. Общество в лице различных институтов, организаций и корпораций следит за человеком, собирает о нем информацию, контролирует его без какого-либо полноценного морального обоснования этому.

Первый источник проблемы иллюстрируется экзистенциальным противоречием внутри личности управленца, где его профессиональные установки зачастую вступают в

конфликт с его личностными установками. Как управленец, менеджер, он должен достичь эффективности, соответствия требованиям производительности, результативности, развития и процветания организации и т.д., но как личность он может оказываться в сложных морально-психологических состояниях, противоречащих этим требованиям. Описывая второй источник проблемы, мы сталкиваемся с рекурсивной каузальностью. С одной стороны, система управления, движущаяся путем оптимизации, чистой рационализации процессов, устанавливает принципы внутренней селекции таким образом, чтобы к управлению оказывались допущены кадры - «чистые» проводники системных сигналов, точные, адаптивные, подчиняющие собственное личностное содержание системным ценностям. С другой стороны, сами подобные кадры и формируют систему управления, управленцы становятся самостоятельным классом, огромной социальной силой и в некоторый момент данный класс начинает определять ценностно-нравственные императивы, культуру всего общества (см. Менеджериализм) [\[16, р. 662\]](#). Какое общество при этом может сформировать такой класс? Общество лишенных собственного личностного содержания проводников системных решений, которые продолжают и ускоряют развитие общества контроля.

Общество контроля – это общество детерминизма. Это искусственный, рукотворный детерминизм, безжалостный и неумолимый к свободе. Случайное и непредсказуемое должно быть исключено, должно отмереть. В социальном управлении это иллюстрируется стандартизацией менеджмента – менеджментом качества. Создание конечного качественного продукта может быть обеспечено только путем соблюдения самых жестких, упорядоченных процедур. Абсолютное качество может быть достигнуто абсолютностью технического процесса. Требование к качеству в свою очередь вызвано детерминизмом потребительского спроса на качество. Мы формируем потребителя, который должен точно желать того, что будет произведено. Менеджмент качества формирует товар и услугу точно соответствующую потребностям потребителя, общество контроля же воздействует на индивида и его потребности таким образом, чтобы они точно соответствовали производимым товарам и услугам.

Мы рассуждали о том, как раскрывается и проявляется ресентимент отдельного сотрудника, но в обществе контроля мы можем обнаружить более широкий, институализированный вид ресентимента. Ресентимент формального, рационального, логического по отношению к живому, творческому, свободному, самоорганизующемуся. Близко тому, как понимал ресентимент сам Ницше, как затаенная месть против самой жизни [\[9\]](#).

Ресентимент рационально-логического и технического не схватывающего жизненное и живое направляет на жизненное свою разрушительную, деструктивную мощь. Подчинение жизни, умаление жизни, ее укрощение и ограничение – суть всякой рациональной системы, в которой рациональность не подчинена самой жизни и выступает самостоятельной детерминантой. Подобный конфликт особенно хорошо описывается Э. Фроммом бинарной оппозицией «биофилия-некрофилия» [\[13, с. 422-423\]](#). Фромм обстоятельно раскрывает некрофильскую суть многих институций постиндустриального общества. О конфликте жизненного и интеллектуального в обществе еще раньше рассуждал А. Бергсон [\[1, с. 101\]](#).

Такая система, как и общество контроля в целом, не могут допустить свободы и жизни вне контроля, они стремятся к несвободе и уничтожению жизненного, выходящего за рамки контроля. Таким образом, кадры, призванные проводить сигналы этой системы, разрушать жизнь и бороться со свободой становятся орудием и средством в руках этой

системы.

Интегрированная в общество контроля личность, оказавшаяся в роли проводника подобных сигналов, неизбежно должна примириться с насилием и несвободой. Личность каким-то образом должна встроиться, адаптировать свое содержание под характер сигналов и единственным возможным вариантом адаптации и примирения здесь становится садизм. Безусловно, речь здесь идет о тонком способе получения удовольствия от причинения боли и ограничения свободы подчиненных. Только садист может быть по-настоящему мотивирован к повышению эффективности исполнения насилия и распространения несвободы. Садист при этом должен извлечь из подчиненных эффективность, что требует высокого искусства обращения, эмпатии, глубокого понимания мотивации подчиненных. Садист умело зондирует психологические триггеры, с помощью которых он мог бы добиваться нужных результатов деятельности.

Садист, получивший доступ к триггерам мотивации подчиненного действует, стремясь увеличить зависимость подчиненных, стремясь добиться абсолютной, максимальной исполнительности, лояльности к его власти, которые в свою очередь граничат с мазохизмом и отключением волевого и жизненного начала подчиненных.

Бюрократическое единство

Характерной особенностью современных бюрократических систем социального управления становится тенденция к тотальной подмене действительности отчетностью. Реальное замещается формальным. Производство разного рода симулякром, эрзацем и суррогатом ставится на поток [\[2, с. 103\]](#).

Бюрократия словно оседлывает жизнь, считывает ее самые прогрессивные формы и переносит в свою сферу, где они благополучно вырождаются и отмирают окончательно. «...Вожди бюрократии излучают дух свободы и энергетику протеста в сто раз качественней, чем это сделает любой из нас и все мы вместе. Корень подмены сегодня находится так глубоко, что некоторые даже готовы принять радикальный ислам — в надежде, что уж туда-то переодетая бюрократия не приползет воровать и гадить. Наивные люди. Бюрократ освоил "коммунизм", освоил "свободу", он не только "ислам" освоит, но и любой древнемарсианский культ...». [\[10\]](#)

Бюрократия стремится достичь такого глубокого уровня внутреннего единства, который мог быть прежде представлен лишь религиозно-философскими традициями. Бюрократии уже недостаточно грубой внешней материализации, она ищет воплощения в каждом отдельном сознании как носителе соответствующего духа. В бюрократическом всеединстве каждый отдельный элемент системы должен служить целому не просто формально, находя некое внешнее соответствие заданным системой требованиям, но и в более глубоком, внутреннем плане.

Возникает феномен бюрократической интуиции и бюрократического альтруизма. Например, тот или иной отдельный исполнитель, без полученных инструкций и распоряжений, инстинктивно угадывают волю системы, выслуживается по наитию, с готовностью к самопожертвованию. Один из таких образов запечатлен В. Гюго в персонаже инспектора Жавера (роман «Отверженные»). Инспектор не получал никаких распоряжений и вообще отошел от дел, но продолжал преследовать протагониста произведения – Жана Вальжана. Жавер чувствовал, как им руководил сам «закон», сам формальный дух системы и лишь в finale романа озарение раскрывает ему всю глубину его нравственного заблуждения [\[5\]](#). Еще один яркий пример глубокого,

самоотверженного «служения» находим у А.С. Пушкина в стихотворении «Анчар» [12]:

...Но человека человека

Послал к анчару властным взглядом:

И тот послушно в путь потек

И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу

Да ветвь с увядшими листами,

И пот по бледному челу

Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег

Под сводом шалаша на лыки,

И умер бедный раб у ног

Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал

Свои послушливые стрелы

И с ними гибель разослал

К соседам в чужды пределы.

Слуга готов умереть, но исполнить волю владыки, принести ему яд, с помощью которого он сможет убивать соседей.

Подчинение бюрократической воле в современном мире достигается более сложными и неявными средствами. Бюрократия сначала подчиняет действия, затем мышление и плавно переходит к чувствам. В конечном итоге подчиненный должен не просто действовать и мыслить определенным образом, но и испытывать правильные и полагающиеся ему эмоции.

Одним из важнейших исследований развития подобной «проводимости» человека как исполнителя и подчиненного был эксперимент Милгрэма 1961-1962 годов [17]. Его эксперимент выявил в первую очередь «проводимость» насилия, потенциал подчиненного причинять страдания или вовсе давать смертельный разряд в ситуации, когда с него снимается ответственность. Человек как бюрократическая единица в полной мере соответствует условиям данного эксперимента. С одной стороны, он получает полномочия воздействовать на жизненное пространство, а иногда и непосредственно жизни других людей, с другой стороны он может ссылаться на выполнение не своих «решений», а решений «сверху».

Заключение

Сфера социального управления тесно соприкасается с проблемами социальной философии и этики. Не вызывает сомнений очевидность трансляции социально-

философских и этических смыслов в область теории социального управления, также как и сама практика управления, непосредственное существование организаций находятся в зависимости от общекультурных, социальных, нравственных тенденций общества, от духовно-нравственного состояния отдельной личности. Однако мы не можем оставить незамеченными позиции Фуко и Делеза, интуиции многих других мыслителей, указывающих и раскрывающих наличие обратной связи – воздействие сферы управления на само содержание общественной и индивидуальной жизни [14]. Обнаружить подлинный характер этого воздействия – важнейшая интеллектуальная и экзистенциальная задача нашего времени.

Библиография

1. Бергсон А. Два источника морали и религии / Пер. с фр.; Примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1994. 384 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция М.: Постум, 2015. 240 с.
3. Виниченко М.В. Эффективность, как основа КПИ. Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5. С. 209-216.
4. Герасимова О.Ю. Диалектика социального управления и самоуправления. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6-1 (56). 2015. С. 44-46.
5. Гюго В. Отверженные / пер. с фр. М. Вахтеровой, В. Левика, Д. Лившиц и др. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. 1248 с.
6. Делез Ж. Post scriptum к обществам контроля. URL: <https://textarchive.ru/c-2061131.html>.
7. Кафка Полное собрание сочинений. М.: Альфа-книга, 2008. 1024 с.
8. Кулишина С.А. Факторы внутриорганизационных горизонтальных и вертикальных конфликтов научный электронный журнал меридиан, 15 (33), 2019. С. 288-290.
9. Ницше Ф. К генеалогии морали. // Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1990. 480 с.
10. Пелевин «Ананасная вода для прекрасной дамы (сборник)». URL: <https://www.litres.ru/book/viktor-pelevin/ananasnaya-voda-dlya-prekrasnoy-damy-439885>.
11. Поворина Елена Васильевна. Ротация кадров как метод развития персонала Материалы Ивановских чтений, 2016. № 2 (6). С. 123-129.
12. Пушкин А.С. Анчар («В пустыне чахлой и скупой...») URL: <https://ilibrary.ru/text/660/p.1/index.html?ysclid=lufyv88m6c201138634>
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Издательство ACT, 2016. 624 с.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem Press, 1999. 478 с.
15. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. URL: <http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/86/37/>
16. Glover, I. (2000). "Managerialism: the Emergence of a New Ideology", Journal of Management Development, Vol. 19 No. 7, pp. 654-664. URL: <https://doi.org/10.1108/jmd.2000.19.7.654.3>
17. Milgram S. «Behavioural Study of Obedience. Journal of Abnormal and Social Psychology», 1963, vol. 67, № 4.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи обладает не только теоретической актуальностью, но и социальной злободневностью, особенно, в той её части, где автор говорит о тотальной бюрократизации современной жизни. Статья может быть интересна самому широкому кругу читателей, интересующихся социальной философией. Замечания, которые будут сформулированы ниже, имеют своей целью только помочь автору в оставшееся до публикации время устраниТЬ некоторые частные недостатки. Так, в первом предложении автор крайне абстрактно формулирует сам предмет высказывания: «Современную организацию характеризуют как...». Какую организацию? Организаций существует очень много, и они очень разные, к какому типу «организаций» относится это высказывание? То, что автор говорит в дальнейшем изложении, относится, главным образом, к коммерческим компаниям, так, может быть, именно о них и следует говорить с самого начала? Правда, автор говорит и о бюрократически организованном обществе как целом, и о его институтах, и т.д., но какая структура связывает подобные столь различные организации? Далее, в некоторых случаях автор использует, казалось бы, привычные слова или словосочетания, но понимает под ними, по-видимому, что-то особенное. Например, в конце «Введения» появляется следующий фрагмент: «если в условиях естественных причин конфликта, как правило, обнаруживается перспектива его преодоления с помощью коммуникации, диалога, оказывается возможным установить баланс в реализации интересов, то в условиях, выходящих за рамки естественных причин...». Что здесь понимается под «естественными причинами»? Это понятие активно использовалось родоначальниками науки Нового времени, которые вступали в противоборство со сторонниками религиозного обскурантизма, но что это словосочетание может означать в статье по проблематике менеджмента? В этой области обнаруживаются и «сверхестественные» причины? Ещё один пример такого рода: «общество контроля – это общество детерминизма. Это искусственный, рукотворный детерминизм, безжалостный, и т.д.». «Детерминизм» – это понятие, имеющее вполне определённое содержание; не станем его сейчас раскрывать, оно представлено в словарях и энциклопедиях, для наших целей достаточно заметить, что это понятие характеризует не то или иное общество, а только философское мировоззрение (Демокрита или многих мыслителей 17-19 вв.). Очевидно, в этом случае следует выбрать какую-то другую характеристику. Хотелось бы порекомендовать автору также подумать над тем, чтобы заменить в названии слово «идея», дело в том, что это слово вызывает всё же положительные ассоциации, явления, о которых говорит автор, к таким явлениям не относятся. Обширную цитату из стихотворения А.С. Пушкина рекомендую снять, это общеизвестное произведение, достаточно дать ссылку и оставить комментарий. Можно было бы расширить число привлекаемых источников, особенно, современных отечественных публикаций по этой тематике, тем более, что объём статьи весьма небольшой (менее 0,5 а.л.), и текст может быть существенно расширен. В некоторых случаях пропущены знаки препинания («ресентимент прежде всего склоняет к скрытым...», «...произошла давно и произошла в рамках...», и т.п.). Имеются и небольшие стилистические погрешности («как личность он может оказываться в сложных...», и т.п.). Однако в целом статью можно признать вполне удачным опытом разработки заявленной темы. Высказанные замечания могут быть учтены в рабочем порядке. Рекомендую принять статью к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Михан Р.И. Философия любви Жиля Делеза // Философская мысль. 2024. № 6. С. 48-60. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.6.70112 EDN: QJWBVK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70112

Философия любви Жиля Делеза

Михан Роман Игоревич

ORCID: 0009-0001-9821-0086

магистр, кафедра этики, Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Микухо-Маклая, 6

✉ roman.mikhan@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия любви"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.6.70112

EDN:

QJWBVK

Дата направления статьи в редакцию:

12-03-2024

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению феномена любви в трудах французского философа Жиля Делеза. В статье можно будет увидеть развитие и изменение этого концепта на протяжении его философского проекта, а также взаимосвязь с другим философскими концептами. В статье выделяется три последовательных этапа в понимании любви Делезом. Первый этап – это обнаружение Другого как возможного мира. Ему соответствует ряд ранних работ Делеза. В них можно увидеть, как Делез выстраивает свою феноменологию любимого и Другого. Он переходит от конфликтного рассмотрения Другого к интер-моналогической теории Другого. Второй этап – это вторжение в мир друг друга. Ему соответствует работа «Марсель Пруст и Знаки», там Делез занят более детальным рассмотрением феномена любви через любовные знаки, которыми обмениваются любящий и любимый. У каждого из них своя ограниченная точка зрения, что может и привести к недопониманию. Однако взаимодействие с каждым возлюбленным дополняет картину мира и включается в серию событий, которые определяют точку зрения любящего и любимого. Третий этап – это объединение миров, которое можно обнаружить в совместной с Феликсом Гваттари работе «Тысяча плато: Капитализм и шизофрения». Любовь может выступать одним из примеров «тела без органов», она помогает выходить за устоявшиеся границы, дает

почву для экспериментов и новых практик. Однако Делез и Гваттари отдельно отмечают необходимую осторожность в ее практике. Рассмотрение любви в философии Жиля Делеза дает нам лучшее понимание его этики, его взглядов в отношении с Другим, помогает понять его общее восприятие другого человека как выразителя альтернативной точки зрения, которая может обогатить и дополнить наше существование.

Ключевые слова:

Жиль Делез, любовь, желание, Другой, возможный мир, имманентность, этика, радость, Лейбниц, феноменология

Статья посвящена тому, как Жиль Делез рассматривал феномен любви на протяжении всего своего философского проекта. Данному аспекту его философии посвящено сравнительно мало исследований и, как правило, они концентрируются на одной конкретной работе или исходят из общей направленности философии Делеза. Дело в том, что Делез не раз возвращался к теме любви с большими промежутками (примерно по 20 лет), и при каждом новом обращении дорабатывал предыдущие идеи. В данной статье представлена попытка реконструировать полную систему его философии любви. Для этого будет необходимо выделить три последовательных этапа, по которым любовь развертывается у Делеза: обнаружение Другого как возможного мира, вторжение в мир друг друга и объединение миров. Каждому из этих этапов будет соответствовать ряд работ. На протяжении статьи нами подробно будет рассмотрено развитие данного концепта, а также представлена сама философия любви, которую разрабатывает Жиль Делез с опорой на монадологию Г. В. Лейбница.

Обнаружение Другого как возможного мира

Анализ феномена любви мы начнем с самой ранней работы Жиля Делеза «Описание женщины». В этот период Делез находился под сильным влиянием французского философа Жан-Поля Сартра, поэтому стиль рассуждения, а также используемые термины неразрывно связаны с философией и феноменологией Сартра. Одной из центральных тем Сартра является отношение «Я» и «Другой». Он описывает эти отношения как взаимные и как отношения конфликта: «Все то, что нужно для меня, нужно и для другого. В то время как я пытаюсь освободиться от захвата со стороны другого, другой пытается освободиться от моего; в то время как я стремлюсь поработить другого, другой стремится поработить меня. Здесь речь не идет об односторонних отношениях с объектом-в-себе, но об отношениях взаимных и подвижных. Отсюда описания, которые последуют, должны рассматриваться под углом зрения конфликта. Конфликт есть первоначальный смысл бытия-для-другого» [\[1, с. 379\]](#). Однако Делез стремится избавиться от негативности в этих отношениях и разорвать дихотомию субъекта и объекта [\[2, с. 33\]](#).

В этой работе Делез исследует отношения между полами, однако это невозможно сделать из предшествующих феноменологических моделей. У Мартина Хайдеггера человек предстает бесполым, у Сартра же полом обладает только любящий, но не любимый: «Потому что обладает полом тот, кто занимается любовью, — любящий, но совсем не любимый. Любимый сам по себе наделен полом лишь поскольку сам, в свою очередь, любящий» [\[3\]](#). Таким образом у Сартра нет выхода к Другому, в его видении

любви любимый - это другой Я, такой же субъект, но никак не Другой. Любимый является пассивным, подчинённым субъектом относительно любящего. У Сартра любовь представляется как негативность, захват власти Другого и над Другим [4, с. 27]. Желание он видит, как чистую негативность или нехватку [5, с. 74]. Философия «Другого» занимает важное место во французском интеллектуальном поле второй половины 20 века. Начиная с Александра Кожева и его интерпретации «Феноменологии Духа» Гегеля через диалектику раба и господина, многие философы пытались решить эту проблему. Делез не является исключением [6]. Если для Сартра отношения «Я» и «Другого» являются негативными, то Делез хочет представить положительную версию, построенную не на конфликте, а на интересе и познании альтернативной точки зрения.

Неудовлетворённый сартровским анализом любви, Делез строит свою феноменологию любимого. Прежде всего «Я» не наделяет вещь значением, значение присуще вещи вне зависимости от субъекта: «Я ничего не изобретаю, я ничего не проецирую, я ничего не привношу в мир, я — ничто, и даже, и определено, не ничто: я лишь выражение» [3]. Другой существует независимо от «Я» и не сводится к аналогичному субъекту или подчиненному объекту: «Другой должен существовать независимо от своей функции в субъектно-объектных отношениях: эта структура тем самым становится лишней» [7, с. 103]. Отходя от субъектно-объектной парадигмы и интерсубъективной модели, Делез предлагает интер-монадологическую модель.

Нам необходимо обратиться к другой работе Делеза - «Мишель Турнье и мир без другого». Там он формулирует, что такое «Другой», и выражает свое несогласие с Сартром: «Ошибка философских теорий в том, что иногда они сводят другого к частному объекту, а иногда — к другому субъекту. (Даже концепция, изложенная Сартром в Бытии и Ничто, довольноуется объединением двух этих определений, делая другого объектом моего взгляда, даже если он, в свою очередь, смотрит на меня, превращая меня в объект.) Но другой не является ни объектом в поле моего восприятия, ни воспринимающим меня субъектом: другой изначально — это структура перцептивного поля, без которой само поле не может функционировать так, как оно функционирует» [8, с. 402-403]. Эту структуру он описывает как структуру априорного Другого или возможного мира. Другой через себя наделяет реальностью, выражает возможный мир. Понятие «возможный мир» относится к философии Г. В. Лейбница, так у нас есть множество монад, каждая из которых выражает целый мир, но каждая из них является определённой и ограниченной точкой зрения на этот мир. В своей работе по философии Лейбница Делез пишет следующее: «Поскольку каждая монада выражает целый мир, для субъекта остается только одно понятие, а субъекты-монады могут различаться лишь присущим им внутренним способом выражения мира: принцип достаточного основания становится принципом неразличимости, не существует двух подобных друг другу субъектов, подобных друг другу индивидов» [9, с. 88]. Поэтому познание Другого - это познание чего-то отличающегося от нас. Другой — это выражение отличного от нас мира, возможного мира, самим фактом своего существования он выражает другую точку зрения на мир. Когда Другой демонстрирует свою точку зрения на мир, он подсвечивает до этого невиданные зоны мира, открывает новое и дополняет нашу ограниченную картину мира. Другой сталкивает наше устоявшиеся представление о мире с возможностью другого, альтернативного представления, привносит возможность и многообразие. Наш мир - лишь один из множества возможностей. Возможности представляют собой внешнее относительно имманентного существования «Я» в мире.

В своем эссе Делез проводит различие между «Другим-мужчиной» и «женщиной». Наше

взаимодействие с Другим противоположного пола отличается от взаимодействия с Другим одинакового с нами пола. В случае с мужчиной может образоваться дружба, которая помогает нам обнаружить внешний, но согласованный с нами мир, из которого мы можем многое для себя подчерпнуть. Но так как мужчина выражает собой другой, внешний мир, то и взаимодействие с ним может быть конфликтным, можно отрицать и спорить о мире. Другой-мужчина может указать нам на нехватку в нашем бытии, того, чего нам не хватает. Он предлагает нам возможный мир, показывает мир без утомления. Изначально мир, в который погружен «Я», утомляет: «Ведь моя усталость не принадлежит мне, и устал вовсе не я, ибо в самом воздухе «присутствует нечто утомляющее»» [10]. Мир Другого может показаться увлекательным, другой может выражать мир захватывающе. Такое столкновение с альтернативными возможностями может погрузить нас в печаль и усталость из-за нереализованных возможностей. В случае с женщиной может образоваться любовь, которая врывается в наш мир и видоизменяет его изнутри. Женщина выражает только себя, имманентность, присущую этому миру. Она выражает полноту бытия, «является кем-то, кого невозможно отрицать, кому невозможно нанести оскорбление; невозможно заговорить о другом» [3]. Она сама по себе желанна и не обращает желание на другой мир: «По своей сути, она просто-напросто имеет власть сделать меня равнодушным к оставшейся части вещей, потому что она сама по себе есть некая вещь, находящаяся вне отношения с другими вещами: она — мир без экстериорности. Именно это мы имеем в виду, когда говорим: эта женщина желанна» [3]. Она не проводит различие между нашим миром и альтернативным, но показывает его многообразие внутри. Также она приносит радость и избавляет от усталости, отвлекая на себя внимание. Стоит отдельно отметить, что упоминаемые «женщина» и «Другой-мужчина» как структура априорного другого отличается от конкретных личностей, не со всеми могут установиться отношения дружбы или любви. У Делеза есть различие между априорным Другим и вот-этим-Другим, между женщиной и вот-этой-женщиной (любимой). Разделение полов же стоит считывать как два способа выражения возможного мира — экстериорного и интериорного. «Если другие-мужчины выражают внешний мир, то, в противоположность этому, женщина — необъятная внутренняя жизнь. Возможный мир, который она выражает, есть она сама» [10].

«Женщину» и «Другого-мужчину» можно проблематизировать через дальнейшие философские концепты Делеза, в столь ранней работе мы можем увидеть лишь зародыши этих концепций. Так, можно заметить два типа различия. Первый — это различие через тождество в случае, когда мы сравниваем наш мир с миром «Другого-мужчины», это сравнение может быть антагонистическим и призывать к сравнению одного мира по подобию другого. В случае с «женщиной» имеется другой тип различия — различие в себе, так как, когда женщина выражает собой мир, это не приводит к антагонизму, а только дополняет прежнюю картину мира, разворачивая мир внутри. В связи с этим разделением можно вспомнить и два вида желания, которые в дальнейшем выделяет Делез. «Другой-мужчина» дает нам понимание желания как нехватки, так как его выражение альтернативных возможностей указывает на те элементы, которых нет в нашем мире, тем самым создавая желание их восполнить. В случае с «женщиной» желание не будет являться негативным, наоборот, желание — это процесс присущий любви, оно дарит радость и порождает креативность, создание нового взгляда на мир. В отношении философии «Другого» Делеза можно сказать, что радикальное отличие «Я» от «Другой» не ведет к конфликтным отношениям. В отношении с «Другим-мужчиной» можно поддаться ослабляющим аффектам в виде усталости, неудовлетворённости или сомнения, однако дружба помогает согласовать эти миры, допуская возможность альтернативной точки зрения и ее принятия. Любовь же, в этой конкретной работе,

является сугубо положительным явлением, которое раскрывает многообразие мира.

Из этого описания мы уже можем обнаружить следующие тезисы об отношении с Другим и любви. Во-первых, Другой не является конструкцией нашего «Я» или пассивным объектом восприятия, он представляет собой возможность другого мира, другого взгляда. Во-вторых, в случае любви наше желание не будет направлено на восполнение нехватки в собственном мире, наоборот, имманентное желание сам по себе дополняет наш мир и привносит в него новое посредством взаимодействия с миром Другого. Другой может, как утомлять нас, уменьшая нашу потенцию к действию, так и радовать увеличивая.

Вторжение в мир друг друга

В работе «Марсель Пруст и знаки» Делез исследует взаимодействия персонажей романа «В поисках утраченного времени» через систему любовных знаков. Здесь мы видим ту же концепцию любимого как возможного мира, но теперь задачей любящего будет расшифровать, понять этот мир: «Любимое существо является знаком, «душой»; оно выражает некий возможный мир, незнакомый нам. Любимый содержит в себе, утаивает, держит взаперти мир, который необходимо расшифровать, т. е. интерпретировать» [\[11, с. 32\]](#). В данном случае знаки стоит понимать как передатчики информации, которые приводят субъектов в некоторые отношения [\[12, с. 102\]](#). Любящий считывает и интерпретирует знаки, которые исходят от любимого. Он должен проникнуть в мир любимого. Но тут возникает проблема недопонимания, так как интерпретировать знаки любящий может только исходя из собственной точки зрения на мир: «Так как нам приходится раскрывать или объяснять значения слов и жестов другого человека с точки зрения нашей собственной точки зрения на мир, мы в итоге заключаем любимого в своем собственном мире смыслов, и остаемся заключенными в своем собственном мире, не имея возможности по-настоящему увидеть мир с точки зрения другого человека» [\[13, с. 102\]](#). Возможность разных точек зрения на мир говорит о том, что некоторые элементы мира будут видны только исходя из определённой точки зрения, а другие же нет: «... знаки, явленные любимым человеком, позволяют нам дать отчет о мирах, которые не дождались нашего формирования, которые формировались у других людей и частью которых мы не являемся» [\[14, с. 14\]](#). В работе, посвященной Лейбнику, Делез использует метафору света: монада подсвечивает определенную область, тогда как другие области для нее остаются во тьме. «Ни какие две индивидуальные субстанции не занимают одну и ту же точку зрения на мир, потому что ни одна из них не имеет одинаково ясной или отчетливой зоны выражения мира» [\[15, с. 50-51\]](#). Точка зрения ограничена, и хоть Другой и может дать представление об альтернативной точке зрения, любящий не всегда может ее понять исходя из собственной точки зрения. Любящий и любимый вторгаются в мир друг друга. Любимый вторгается в мир любящего, отвлекая на себя внимание, а любящий хочет вторгнуться в мир любимого, чтобы лучше его понять. Любовная ситуация драматична, сложность любви в улавливании любовных знаков, так как они могут быть пустыми, ложными или попросту быть неправильно интерпретированы. Любимый подает знаки, любящий пытается их правильно считать, при этом каждый из них содержит разный взгляд на мир, поэтому в любовной игре необходимо выходить за рамки собственной точки зрения, быть готовым принять другой взгляд на мир. Быть способным исключить себя из собственного мира.

Из-за сложности в интерпретации знаков по ходу любви мы можем столкнуться с неприятным аффектом в виде ревности. Любящий хочет, чтобы все знаки любимого

принадлежали только ему одному. Но выражая эти знаки, любимый также выражает возможность мира, где эти знаки адресованы другому человеку. Так появляется ревность: «Любимый одаривает нас знаками предпочтения, но так как они подобны тем, которые выражают миры, частью которых мы не являемся, то каждый полученный нами особый знак внимания, обрисовывает образ возможного мира, где другие могли бы быть или являются предпочтаемыми» [\[11, с. 33\]](#). Можно вспомнить любовную историю Свана и Одетты, где факт измены вызывал мучения от того, что любовные знаки Одетты были адресованы кому-то другому, Сван же это прекрасно понимал. Стоит отдельно отметить, что трагическое представление о любви в данной работе обеспечено тем, что и в самом романе Пруста любовь является неудавшейся и разочаровывающей. Но несмотря на это, Делез оставляет место и для радости: «Мы повторяем страдания. Каждый раз оно - особенное. Однако сам факт повторения всегда радостен, он то и создает общую радость» [\[11, с. 101\]](#). Сам факт того, что мы снова страдаем из-за любви, дает нам лучшее понимание любви как таковой, во всем многообразии её связей, а пережитый опыт складывается в определенную жизненную последовательность.

В любви можно обнаружить понимание желания как позитивности. Так, Кристиан Керслейк отмечает, что, находясь под влиянием Жоржа Кангилема, Делез видит в Прусте позитивное понимание желания посредством любви: «Таким образом, между работами Делеза о Спинозе и Прусте можно обнаружить тайный путь – путь позитивного понятия желания, которое развивается через опыт любви, в противовес концепции желания как негативного, которое остается на берегах простого желания обладания» [\[15, с. 58\]](#). Любовное желание дарит радость, что является немаловажным термином в этике Делеза и проявляется в его работах по Спинозе: «Поскольку чувство радости увеличивает способность действовать, оно вынуждает нас желать, воображать, делать все, что в нашей власти, дабы сохранить саму эту радость и объект, который нам ее доставляет. Именно в этом смысле любовь сцепляется с радостью, а другие страсти с любовью, так что наша потенция испытывать аффекты полностью заполняется» [\[16, с. 200\]](#). Делез разделяет хорошее и плохое, как действия, побуждающие в нас радость, и как действия, заставляющие нас грустить, как то, что увеличивает нашу потенцию к действию, и что ее уменьшает. В этом смысле любовное желание дарит радость: «Радость – это увеличение потенции действия через объединение с тем, что расширяет наше понимание. Возможно, величайшим примером этого является опыт любви, в котором человек входит в другой мир через контакт с другим телом» [\[5, с. 60\]](#). На этом примере мы видим, как связаны между собой возможный мир, который выражает другой, радость и позитивное желание.

В шестой главе Делез разбирает любовные отношения через различие и повторение. Следует отметить, что полностью свою онтологию различия Делез представит только через несколько лет в работе «Различие и повторение» и там мы можем увидеть несколько примеров, касающихся любви у Пруста [\[17, с. 32, 136, 158, 316\]](#). Повторение выражается в том, что любовные чувства могут возникнуть ко множеству разных возлюбленных, но в то же время это не будет абсолютно новое чувство, оно будет внесено в серийность (последовательность) предыдущего любовного опыта. Мы будем иметь дело с разными возлюбленными, которые отличается друг от друга, но всех мы будем любить. У Пруста мы можем просмотреть любовную серию в виде: Жильберта - герцогиня Германтская - Альбертина. Каждая из них несет в себе отличие, но прослеживается общая серия любви: «Общая правда любви – серийная: наши влюблённости могут существовать лишь организуясь в серии» [\[11, с. 109\]](#).

Делез выделяет несколько сосуществующих любовных серий: а) образ любви в виде любви матери/отца, эта любовь будет проявляться во всех последующих возлюбленных и тем самым эта серия перемешивает прошлое и настоящее любящего; б) серия одной конкретной любви, в ходе которой любимый может меняться, являя собой серию изменений; в) серия, образующаяся между разными возлюбленными, где определенные элементы прошлых возлюбленных повторяются в новых отношениях; г) серия трансубъективной реальности, куда включается наблюдение за чужими любовными отношениями, которое влияет на общее восприятие любви. Любовь имеет дело сразу с несколькими пересекающимися сериями, которые преобразуются в общую серию любви. Таким образом, мир выражаемый любящим или любимым имеет определённую серию, которая повлияла на формирование его точки зрения. Любовное чувство предполагает множество (*pluralité*) и серийность.

В случае любви у Пруста мы можем наблюдать и онтологию различия Делеза. Он предлагает рассматривать различие не через отношение тождества и репрезентации, а как различие в себе, которое предполагает множество. Мы сначала предполагаем множество и уже потом постулируем тождество. Если бы мы представляли любовь через модель различия как тождества, то вместо серии и множества возлюбленных у нас бы было сравнение каждого отдельного возлюбленного между собой или с каким-то недостижимым идеалом любимого. Через модель тождества любовь представляла бы как негативное явление, где каждая новая любовь лишь отрицала бы или заменяла другую. Мы бы имели не континуальное чувство, которое относится ко множеству, а говорили о любви как об репрезентации единожды возможного идеального чувства - «настоящей любви».

Любовная серия предполагает множество: «Речь идет даже о множестве миров; плюрализм любви состоит не только во множестве любимых существ, но и во множестве душ или миров в каждом из них» [\[11, с. 32\]](#), которое во взаимодействии с миром любимого формирует его представление о мире, его точку зрения. Таким образом, мы не отрицаем предыдущий опыт любви, а включаем его в мир влюбленного. Так, любящий и любимый, выражая собой мир, выражают и серийность этого мира. Здесь мы вновь встречаем Лейбница: «Согласно Лейбничу, точка зрения не конституируется субъектом; скорее, субъект конституируется точкой зрения. Точки зрения, другими словами, являются достаточным основанием предметов. Индивидуальное понятие это точка зрения, через которую индивид выражает тотальность мира» [\[15, с. 50\]](#). Каждый индивид будет включать в себя определённую серию событий и иметь сообразную этому точку зрения: «...то, что говорится или предицируется о вещи, это не только сущность вещи, но и совокупность аффектов и событий, которые происходят с вещью или связаны с ней или принадлежат ей» [\[15, с. 47\]](#). Столкновение со взглядом на мир каждого нового любимого что-то привносит в серию любящего. Любовь представляет собой множественность, встречаясь с возможным миром, мы видим различие между нами и Другим, но посредством любви мы включаем это различие в серийность нашего мира. Таким образом, антагонизм различия через тождество невозможен в любви как различия в себе. Любовь открывает нам целое множество возможных взглядов, которое мы перенимаем и повторяем в дальнейшей жизни.

Объединение миров

Прежде всего необходимо обозначить общее направление совместных работ Феликса Гваттари и Делеза. Они последовательно борются с психоанализом, субъективацией и строгим режимом означающего. Следовательно, в своих построениях они отказываются и

последовательно выступают против фамилизации, персональной идентичности и репрезентации: «Давайте рассмотрим три основных момента в трактовке шизо-любви в “Анти-Эдип”: любовь материальная (не репрезентативная), социальная (не семейная) и множественная (не личная)» [18, с. 178]. В первой части двухтомника «Капитализм и шизофрения» под названием «Анти-Эдип» они последовательно критикуют психоанализ и его тенденцию сводить любые отношения к эдипальным: «...сексуальность и любовь не обитают в спальне Эдипа...» [19, с. 186]. Во втором томе под названием «Тысяча плато» они продолжают эту линию и несколько раз упоминают о любви.

Так, в плато под название «Один волк или несколько» Делез вновь обращается к Прусту, на этот раз для ответа на вопрос «что значит любить кого-то?», этот же пример он несколько раз приводит в «Марсель Пруст и знаки» [11, с. 104–105]. «Альбертина медленно извлекается из группы девушек, обладающей своими числом, организацией, кодом и иерархией; и не только все бессознательное целиком омыает такую группу, такую ограниченную массу, но и у Альбертины есть свои собственные множества, которые рассказчик, изолировавший ее, обнаруживает на ее теле и в ее лжи — до тех пор, пока конец их любви не вернет ее к неразличимости» [20, с. 61]. В данном плато исследуется отношение индивида ко множеству. Человек в нем представляется как постоянно меняющаяся совокупность множественностей. Любить — это значит быть способным выделить любимого из группы (индивидуализировать), обнаружить его, заострить свое внимание на нем, а потом исследовать множества (характеристики), которые он таит в себе. Выделяя любимого из группы, любящий старается познать его мир, из чего, из каких множеств он состоит. Любящий способен выделить любимого из всех прочих множеств, различить его, дать имя: «Итак, имя собственное не обозначает индивида — напротив, оно появляется тогда, когда индивид открывается в пересекающие его насквозь множества, на исходе самого сурового опыта деперсонализации, где он обретает свое подлинное собственное имя. Имя собственное — это мгновенное восприятие множества» [20, с. 64]. И тут мы обнаруживаем следующий шаг, который отличает эту работу от всех предыдущих: «присоединять эти множества к своим, заставить их проникнуть в свои множества и пропитать их своими множествами» [20, с. 60]. Взаимодействие с любимым, его миром меняет и мир любящего. Эти миры взаимно влияют и видоизменяют друг друга, создают что-то новое: «Тогда любовь — это именно это творческая новизна соединения, это соединение множественности» [18, с. 178]. Она перемешивает множества любящего и любимого, создавая новое сочетание этих множественностей. Теперь вторжение в мир любимого приводит к образованию новой сборки (*assemblage*) между любящим и любимым. И тогда мы должны задаться вопросом о распределении ролей в любовной сборке. Ведь как любящий одновременно выделяет и именует любимого, так и любящий и любимый растворяются в деперсонализированной сборке любви.

В этом нам поможет следующее плато под названием «О нескольких режимах знаков». Плато посвящено разным режимам означающего, нас будет интересовать два режима: означающий и пост-означающий. Делез и Гваттари разбирают любящего и любимого как точки высказывания в системе означающего. В качестве пост-означающего режима они приводят пример любви как страсти. Режим означающего субъективизирует, в любви мы видим распределение между любимым и любящим, субъекта высказывания и субъекта высказываемого, того, кто говорит «я люблю тебя» и того, кто говорит «я тоже» и наоборот. Исследователь Брент Адкинс демонстрирует пример того, как высказывание «я люблю тебя» меняет свое значение в зависимости от режима означающего: «Существует

большая разница между "Я люблю тебя", принадлежащему к деспотическому (означающему) режиму, и тем, который принадлежит к страстному (пост-означающему) режиму. "Я люблю тебя" в деспотическом режиме прямо или косвенно ориентировано на лицо деспота и "использует интерпретацию, чтобы вызвать целую серию означаемых, соответствующих цепочке означающих". "Я люблю тебя" пост-означающего режима исходит из точки субъективации, которая становится сегментированной и исходит из новых точек субъективации» [\[21, с. 93\]](#). В означающем режиме у нас есть четкое распределение на любящего и любимого, однако в пост-означающем режиме такое распределение становится менее четким, сами границы любящего и любимого размываются: «И опять же, переменная точка субъективации служит тому, чтобы распределять двух субъектов, которые как скрывают свои лица, так и показывают их друг другу, а также сочетаются с линией ускользания, линией детерриториализации, всегда сближающей и разделяющей их» [\[20, с. 219\]](#).

В дальнейшем Делез и Гваттари придерживаются представления о любви как об одной из возможных линий ускользания: «Стать самим невоспринимаемыми, демонтировать любовь, дабы стать способными любить. Демонтировать свою собственную самость, дабы, наконец, быть одинокими и встретить подлинного двойника на другом конце линии» [\[20, с. 324\]](#). Такое представление демонстрирует вечное становление, длительность и динамику любви, которая сочетается с деперсонализацией, отходу от идентичности: «Я теперь не более чем линия. Я стал способным любить, но не абстрактной универсальной любовью, а той, какую собираюсь выбрать и которая собирается выбрать меня, вслепую, выбрать моего двойника, так же лишенного самости, как и я. Мы спаслись любовью и для любви, отказавшись от любви и от себя. Мы не более чем абстрактная линия, подобная стреле, рассекающей пустоту. Абсолютная детерриториализация. Мы стали как все, как весь мир, но на такой манер, каким никто не может стать как все, как весь мир. Мы нарисовали мир на себе, но не себя на мире» [\[20, с. 328\]](#). Линии примечательны тем, что они одновременно устанавливают лимит и его разрушают, освобождают и ограничивают. Есть некий динамизм сил, где любящий и любимый то растворяются в любви, становясь чем-то новым, смешанным и неразделимым, то вновь обретают вполне конкретные очертания и субъективируются.

Этот же динамизм мы можем наблюдать между организмом и «телом без органов», соотношением над которым Делез и Гваттари работают на протяжении всего «Тысяча плато»: «Если переложить это на тему любви, то можно сказать, что любовь как несовместимая комбинаторика становится возможной благодаря дизъюнктивному синтезу, который одновременно утверждает индивидуальный субъект или тело и одновременно производит прекращение или растворение субъекта, заменяя эмоции и стабильные понятия а-субъективными и а-означающими координатами на теле без органов» [\[22, с. 475\]](#). В плато под названием «Как сделаться телом без органов?» для демонстрации принципов, по которым работает тело без органов, приводится пример куртуазной любви. С ее помощью Делез и Гваттари представляют собственную концепцию позитивного имманентного желания. Эту концепцию они противопоставляют негативной, в которой желание представляется как нехватка, как удовольствие или как трансцендентальный идеал. Желание как нехватка подразумевает, что желание является восполнение того, чего человеку не хватает. Желание как трансцендентальный идеал подразумевает, что полное наслаждение невозможно и значит желание будет отсылать к нехватке этого идеала в виде полного наслаждения. Желание как удовольствие подразумевает, что имеется цикл между желанием и удовольствием, где первое исчезает во втором.

В этой связи пример куртуазной любви является крайне занимательным: «интенсивные аффективные межличностные отношения поддерживаются целой культурной программой, направленной на предотвращение завершения желания» [23, с. 97]. В куртуазной любви отказ от внешнего удовольствия приводит к состоянию, «где у желания нет более никакой нехватки, где оно заполняет себя и строит свое поле имманентности» [20, с. 259]. Желание — это не желание чего-то, это сам процесс желания. Любовь не восполняет что-то, не является недоступным идеалом и не служит удовлетворению страстей. Она открывает новый опыт, новое взаимодействие, которое меняет привычные жизненные координаты и дарит радость: «Дело в том, что есть имманентная желанию радость — как если бы желание заполнялось самим собой и собственными созерцаниями — есть радость, не предполагающая никакой нехватки, никакой невозможности, радость, измеряемая удовольствием, ибо именно она распределяет интенсивности удовольствия» [20, с. 257]. Любовь представляет собой имманентную систему, так как она полностью охватывает любящего и любимого, делая их полностью безразличными к любому внешнему, погружаясь же в нее, любящий и любимый сами растрепляются в ней. Поэтому удовольствие и радость, сопутствующие любви, не являются внешним удовольствием от получения чего-либо, а присущи любви как таковой, имманентны ей.

Главная проблема в соотношении организма и тела без органов заключается в интенсивности. Если интенсивность любви будет слишком высокой, то она будет стремиться выйти за границы тела и организма, стать чистой интенсивностью, циркулирующей на теле без органов. В примере с куртуазной любовью нас не интересует сами влюбленные: «Для Делеза и Гваттари куртуазная любовь, в конечном счете, ведет прочь от личности, от индивидуализма» [24, с. 90], нас интересует их любовь и максимизация интенсивности этой любви. В какой-то момент влюбленные становятся неразрывными, деление на любимого и любящего попросту пропадает. Повышение любовной интенсивности ведет к слиянию и разрушению дилеммы субъект/объект и субъект/субъект. Любовь — это деперсонализация, так как в интенсивности любви нет никакого «Я» и «Другой», сама граница между любящим и любимым становится неясной, они растворяются в любовной интенсивности. Однако стоит отметить, что в данном плато даны примеры различных тел без органов, таких как мазохистских и наркотических, которые призваны показать возможные границы тела без органов. Так, повышение интенсивности в случае с мазохизмом и наркоманией ведут к разрушению организма. Слишком большая интенсивность может полностью разрушить организм, привести его к гибели. С этической точки зрения Делез и Гваттари призывают к тому, чтобы становиться телом без органов, экспериментировать и выходить за устоявшиеся границы, однако они делают важную оговорку, что это нужно делать осторожно: «Делез и Гваттари постоянно призывают к осторожности как необходимому компоненту их экспериментаторства. Этика — это, конечно, эксперимент, но эксперимент опасный. Экспериментируйте осторожно» [21, с. 107]. Поэтому тело без органов выступает скорее лимитом, к которому нужно стремиться, экспериментируя, а любовь дает нам представления о таком опыте: «речь идет о создании тела без органов, по которому проходят интенсивности, и где нет более ни самости, ни другого — не от имени более высокой общности или более обширного расширения, но благодаря сингулярностям, о которых уже нельзя сказать, являются ли они личными, и благодаря интенсивностям, о которых уже нельзя сказать, являются ли они экстенсивными» [20, с. 260]. В любви есть опыт деперсонализации того момента, когда два мира, две точки зрения сливаются в неразрывное единство и тем самым создают что-то новое. Но этот опыт не должен затмить саму жизнь, к любви нужно стремиться, но не нужно уничтожать себя ради нее. Таким образом, хотя Делез и Гваттари говорят об

опыте любви как о позитивном и креативном, но и признают ее опасность, которая может таиться в слиянии любящего и любимого.

Заключение

Любовь едва ли можно назвать главной темой в философии Делеза, однако на протяжении всего творческого пути он постоянно к ней обращался и создал определенную концепцию любви, которая изложена в данной работе. Помимо того, в контексте темы любви были рассмотрены ряд главных тем и концептов, которые Делез развивал на протяжении сорока лет. Неизменным остается его этический мотив по взаимодействию с другими людьми. Вместо антагонизма мы можем наблюдать заинтересованность и принятие альтернативного взгляда на мир. Такое взаимодействие, по мнению Делеза, обогащает мир человека. Любовь помогает обнаружить многообразие точек зрения и помогает их принять. Соединение с другим человеком дарит радость и открывает много нового. Однако не стоит слишком рьяно отдаваться такому чувству, если оно грозит разрушить жизнь любящего и любимого.

Библиография

1. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 640 с.
2. Boundas C. Foreclosure of the Other: from Sartre to Deleuze // Journal of the British society for phenomenology. 1993. Vol. 24. No. 1. P. 32-43.
3. Делез Ж. Описание женщины. URL:<https://syg.ma/@nikita-archipov/zhil-dielioz-opisaniiie-zhienshchiny> (дата обращения: 24.12.2023).
4. Фолкнер К. In utero: Делез – Сартр и сущность женщины // Логос: Молодой Делез. 2020. Т. 30. № 4. С. 25-62.
5. Kerslake C. Desire and the Dialectics of Love: Deleuze, Canguilhem, and the Philosophy of desire // Deleuze and psychoanalysis: Philosophical essays on Deleuze's debate with psychoanalysis / Ed. by L. Bolle. Leuven University Press, 2010. P. 51-81.
6. Reynolds J. Deleuze's other-structure: beyond the master-slave dialectic, but at what cost? // Symposium. 2008. Vol. 12. No.1. P. 67-88.
7. Stark H. Deleuze and Love // Angelaki. 2012. Vol. 17. No. 1. P. 99-113.
8. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. 472 с.
9. Делез Ж. Складка: Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997. 264 с.
10. Делез Ж. Изречения и очертания. URL:<https://syg.ma/@nikita-archipov/zhil-delyoz-izrecheniya-i-ochertaniya> (дата обращения: 24.12.2023).
11. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб.: Алетейя, 1999. 190 с.
12. Jones G. Marcel Proust // Deleuze's Philosophical Lineage II / Ed. by G. Jones, J. Roffe. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. P. 95-120.
13. Barker J. Love, language and the dramatization of ethical worlds in Deleuze // Deleuze Studies, 2016. Vol. 10. No. 1. P. 100-116.
14. Durán C. Un amor superficial. Una aproximación al amor en Gilles Deleuze // Aufklärung. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 11-24.
15. Smith D. G.W.F. Leibniz // Deleuze's Philosophical Lineage / Ed. by G. Jones, J. Roffe. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. P. 44-66.
16. Делёз Ж. Спиноза и проблема выражения. М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2014. 320 с.
17. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
18. Protevi, J. Love // Between Deleuze and Derrida / Ed. by P. Patton, J. Protevi. London: Continuum. 2003. P. 94-182.
19. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-

- Фактория, 2007. 672 с.
20. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
21. Adkins B. Deleuze and Guattari's A thousand plateaus: A critical introduction and guide. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. 190 p.
22. Gray C. Love at the Limits: Between the Corporeal and the Incorporeal // Deleuze and Guattari Studies. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 469-485.
23. Holland E. W. Deleuze and Guattari's A thousand plateaus: A reader's guide. A&C Black, 2013. 265 p.
24. Watson J. Intimacy without domestication: Courtly love in a Thousand Plateaus // L'Esprit Créateur. 2004. Vol. 44. No. 1. P. 83-95.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой весьма обстоятельный целостный очерк «философии любви» Ж. Делёза. Автор справедливо указывает, что исследователи до сих пор обращали внимание либо на основные периоды творчества философа или даже на отдельные произведения, в которых нашла отражение эта тема, либо на её составляющие. Поэтому попытка воссоздать «философию любви» как концепцию, которую Делёз разрабатывал и перерабатывал на протяжении всей своей жизни, заслуживает внимания читателей. Со своей стороны, отметим, что актуальность «темы любви» у Делёза (да и у Сартра, которому следует первоначально молодой философ) связана с более широким контекстом – осмыслением тех форм социальности, которые казались философам новыми в середине и в конце прошлого века. Поэтому можно констатировать, что «философия любви» несла в себе не только философско-антропологическое и психологическое, но и социально-историческое измерение. Конечно, реализация такого – довольно масштабного – замысла является непростой задачей, и знакомство с текстом статьи открывает не только её сильные, но и слабые стороны. Главный упрёк, который можно было бы сделать автору, состоит в том, что работа носит, преимущественно, описательный характер. Можно, правда, возразить, что автор избрал хронологический принцип изложения материала, а следовательно, должен был воспроизвести основные моменты становления и эволюции концепции Делёза, более того, такой принцип отвечает и самому замыслу статьи представить «философию любви» как целостное, хотя и меняющееся, учение французского философа. Однако даже в рамках хронологического подхода можно было постараться «структурировать» представляемые взгляды Делёза, выделить в них устойчивые элементы, внесшие вклад в определение «концептуального портрета» философа. (Заметим, что с недостатком теоретического анализа связана, по-видимому, и бросающаяся в глаза краткость заключения: о том, что сказал Делёз, автор уже высказался, а собственную точку зрения на рассматриваемый предмет он в данной работе не представляет.) Далее, недостаток аналитической составляющей выражается в статье и в отсутствии критической позиции в отношении французского философа. При чтении складывается впечатление, что, по мнению автора, всё изложенное в произведениях Делёза «в своём роде» хорошо. Высказанные критические замечания не ставят, однако, под сомнение общий весьма высокий уровень статьи. Автор прекрасно знает источники и исследовательскую литературу, глубоко понимает своеобразие духовного облика французского философа. Стиль статьи также производит благоприятное впечатление,

она читается легко и может быть доступна широкому кругу читателей, интересующихся постклассической философией. Небольшие стилистические погрешности («и при каждом новом обращении», и т.п.) могут быть исправлены в рабочем порядке. Пожелание же более определённо формулировать собственную критическую позицию автор сможет учесть в последующих работах. На основании сказанного считаю возможным рекомендовать рецензируемую статью к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

The Perception of Socrates' Ethics in F. Nietzsche's Moral Philosophy: Overcoming Metaphysics and its "Eternal Recurrence"

Kosorukova Aleksandra Andreevna

Senior Lecturer; Department of Ethics; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10k2

 a.kosorukova@yandex.ru

Frolova Margarita Nikolaevna

Student; Department of Ethics; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

 1132223181@rudn.ru

Abstract. The subject of the study is to consider the perception of Socrates' ethics in Nietzsche's philosophy as a theoretical basis for the formation of the key provisions of Nietzsche's philosophy of morality, in particular, possible elements of metaphysical thinking in these provisions.

Nietzsche's critical argumentation in relation to the philosophical views of Socrates was considered as the basis for the key provisions of Nietzsche's moral philosophy, particularly in the aspect of its connection with the question of metaphysics. The focus of the author's research is the analysis of the perception of Socratic ideas in the context of criticism of Nietzsche's project of metaphysics through the prism of morality: the idea of self-overcoming and the increasing will to power turn out to be the basis for understanding Nietzsche's new project in moral philosophy.

The research methodology includes theoretical methods, historical-philosophical and ethical-philosophical analysis of the consideration of Socrates' ethics by Nietzsche, and the influence of this consideration on the ethical position of the latter. As a research basis, the article uses the approaches of J. Deleuze, L. Klages, A.F. Losev, L. Shestova, V.M. Bakuseva. The novelty of the article lies in tracing the influence of Socratic ethics on Friedrich Nietzsche's formulation of the moral problem, especially in the aspect of the question of metaphysics in Nietzsche's ethical thought (both criticism of metaphysics and the continuation of some lines of the metaphysical tradition).

The first line of Nietzsche's criticism of Socratic philosophy was to identify the influence of Socrates on the emergence of European nihilism. Nietzsche's second thought, in relation to Socrates, concerned the "theoretical man". The third idea, which can be designated as one of the most important features of Nietzsche's moral philosophy, was the idea of self-overcoming.

Keywords: Apollonian, Dionysian, nihilism, metaphysics, morality, ethics, philosophy, Socrates, Nietzsche, will

References (transliterated)

1. Nitsshe F. Volya k vlasti: opyt pereotsenki vsekh tsennostei. M.: Kul'turnaya

- revolyutsiya, 2005. – 880 s.
2. Platon. Apologiya Sokrata. V kn.: Platon. Soch.: V 3 t. M: Mysl', 1968-1972. – 194 s.
 3. Kessidi F.Kh. Sokrat. M: Mysl', 1988. – 220 c.
 4. Shestov Lev. Sokrat // Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya. 2000. №180 (I/II). S. 116-129.
 5. Ksenofont. Vospominaniya o Sokrate. V kn.: Antologiya pedagogiki vzrosloga cheloveka: Ksenofont Afinskii / Sost., vstupit. stat'ya, zakl. i soprovozhdayushchie razdely stat'i M.K. Vetoshkinoi, V.K. Pichuginoi; komment. A.Yu. Mozhaiskogo, V.K. Pichuginoi / Pod obshchei redaktsiei V.K. Pichuginoi. M.: Akvilon, 2020 Kniga IV, gl. 2. – 304 s.
 6. Nitsshe F. Padenie kumirov: sbornik / Fridrikh Nitsshe; Per. s nem. – Spb.: Azbuka-Attikus, 2019. – 224 s.
 7. Losev A.F. Fr. Nitsshe // Nitsshe: pro et contra. SPb.: izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2001. S. 981-992.
 8. Nitsshe F. Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki / Soch.: V 2 T. M: Mysl', T. 1. 1990. – 833 s.
 9. Nitsshe F. Sumerki idolov / Soch. v 2-kh t. Sost. K.A. Svas'yan, per. s nem. Yu.M. Antonovskogo, N. Polilova, K.A. Svas'yana, V.A. Flerovo. M.: Mysl'. 1996. – 829 s.
 10. Delez Zh. Nitsshe i filosofiya. M.: Ad Marginem, 2010. – 394 s.
 11. Bakusev V. Lestnitsa v bezdnu. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2011. – 295 s.
 12. Shestov L. Apofeoz bespochvennosti. M.: Ripol-Klassik, 2020. – 312 s.
 13. Klages L. Psikhologicheskie dostizheniya Nitsshe. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2016. – 250 s.
 14. Nitsshe F. Veselaya nauka. M.: Azbuka-Attikus, 2023. – 352 c.
 15. Yaspers K. Nitsshe: Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya. SPb.: Vladimir Dal', 2004. – 629 s.
 16. Guseinov A.A. Antichnaya etika. M: Librokom, 2017. – 288 c.
 17. Kosorukova A.A. K. Yaspers i M. Khaidegger o ponyatii nigilizma v filosofii F. Nitsshe // Problemy etiki: filosofsko-eticheskii al'manakh. Vypusk 1. M.: Sovremennye tetradi, 2008. S. 42-52.

Lenin and Meillassoux: Is Speculative Materialism Possible?

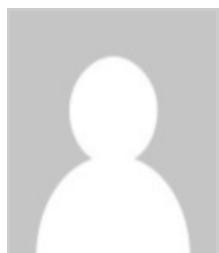
Emel'yanov Andrei Sergeevich

PhD in Philosophy

Senior Educator, Department of Philosophy, Kursk State University

305000, Russia, Kurskaya oblast', g. Kursk, ul. Radishcheva, 33, of. 325

 andrei.e1992@mail.ru

Abstract. This article is focused on the compatibility of materialism and speculativism. The dialectical-materialistic philosophy of V.I. Lenin, presented in his work «Materialism and Empiriocriticism», is taken as the starting point of the study. Lenin's position is compared with the philosophy of speculative materialism, presented by modern French philosopher Quentin Meillassoux, presented in the work «After Finitude: An Essay on the necessity of contingency». The author emphasizes that the programs of Meillassoux and Lenin are united by a common task – the fight against fideism in philosophy and science. According to the Soviet and French philosopher, the only means of combating fideism in science can only be materialism. To solve

this problem, they both focus on criticizing correlationism (coordination) in its «strong» and «weak» forms. Despite certain similarities in solving this problem, there are significant differences between the views of Lenin and Meillassoux. They consist, firstly, in a different understanding of the essence of matter (objective reality), secondly, in a different attitude to the cognitive status of «thing-in-itself», and finally, thirdly, in a different attitude to objective truth. These differences call into question the popular point of view expressed by the statement «Meillassoux is a modern Lenin». The study notes that the program of speculative materialism has much in common with the empiriocriticism of A. Bogdanov and A. Poincare. Meillassoux shares with the first the denial of the existence of objective truth, and with the second – the commitment to the so called «mathematical fideism». In conclusion, the author notes that, despite its failure, the project, presented by Meillassoux, is a clear evidence of the renaissance of materialism, currently happening in philosophy (albeit in a very «specific» form).

Keywords: mathematical fideism, fideism, objective truth, material, Meillassoux, Lenin, dialectical materialism, correlationism, speculative materialism, materialism

References (transliterated)

1. Bogdanov A. Empiriomonizm: Stat'i po filosofii. M.: Respublika, 2003. 400 s.
2. Kralechkin D. Enter Speculative Realism // Logos. 2013. № 2 (92). S. 38–43.
3. Lamashkin A. Problema doistoricheskogo: «iskopаемaya materiya» (K. Meiyasu) i «priroda, sushchestvuyushchaya do cheloveka» (V.I. Lenin) // Diagnostika sovremennosti: global'nye vyzovy – individual'nye otvety: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem / Otv. Red. Yu.A. Razinov. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2018. S. 185–192.
4. Lenin V. Materializm i empiriokrititsizm // Polnoe sobranie sochinenii. Izd. 5. T. 18. M.: Politizdat, 1973. 525 c.
5. Malabu K. Mozhem li my otkazat'sya ot transtsendental'nogo? // Filosofskii zhurnal. 2018, 1 (11). S. 99–110.
6. Meiyasu K. Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti / per. L. Medvedev. Ekaterinburg; Moskva: Kabinetnyi uchenyi, 2015. 196 s.
7. Pavlov E. «Kogda rodilsya Tsezar'?» Teoriya i praktika istiny u Plekhanova i Bogdanova // Stosis 2 (5), 2017. C. 350–383.
8. Feierbakh L. Sushchnost' khristianstva // Sochineniya: v 2-kh t. T. 2. M.: Nauka, 1995. 424 c.
9. Badiou, A. *The Concept of Model: An Introduction to the Materialist Epistemology of Mathematics*. Melbourne: re-press, 2007. 182 pp.
10. Badiou, A. *Logic of Worlds: Being and Event*. New York: Continuum, 2009. 617 pp.
11. Brassier, R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. London: Palgrave Macmillan, 2007. 291 pp.
12. Cohen, J. Speculating the Real: Ob Quentin Meillassoux's Philosophical Realism. In: The Legacy of Kant in Sellars and Meillasoux. In *Analitic and Continental Kantianism*. ed. F. Gironi. London: Routledge, 2017. pp. 171–179.
13. Colletti, L. Marxism and the Dialectic. *New Left Review*, 1975, Vol. 93, No. 1, pp. 28–29.
14. Meillassoux, Q. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. trans. by R. Brassier. London: Continuum, 2008. 157 pp.

15. Robin, E.Y. Kant Walks Meillassoux: Finitude and Correlationism, *Jurnal of Indian Concil of Philosophical Research*, 2021, Vol. 38. pp. 197–211.
16. Ruda, F. Die speculative Familie, *Texte zur Kunst*, 2022. Vol. 86. pp. 172–176.
17. Toscano, A. Against Speculation, or, A Critique of the Critique of Critique: A Remark on Quentin Meillassoux's After Finitude (After Colletti). In *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism* / L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman (eds.). Melbourne: re-press, 2010. pp. 84–91.
18. Schäferling, K. 2022. Meillassoux's Reinterpretation of Kant's Transcendental Dialectic, *Open Philosophy*, 2022, Vol. 5, pp. 702–717.
19. Žižek, S. An Answer to Two Questions. In *Adrian Johnston, Badiou, Žižek, and Political Transformation*. Evanston: Nothwestern University Press, 2009. pp. 174–230.
20. Žižek, S. *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso, 2012. 1038 pp.

On the question of the dialectic of scientific knowledge in Russian philosophy: the problem of the relationship between reflection and rationality

Sverguzov Anver Tyafikovich

PhD in Philosophy

Associate professor, Department of Philosophy and History of Science, Kazan National Research Technological University

68 K.Marx Street, Kazan, 420015, Russia, Republic of Tatarstan

 atsverguzov@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the interrelation of the phenomena of reflection and rationality in the structure of the mechanisms of scientific cognition. The results obtained within the framework of Russian philosophy in different periods of its development – the Soviet and modern stages – are compared. Attention is drawn to the fundamental nature of the research results on the relationship between reflection and rationality obtained during the Soviet period of philosophy development. In the philosophy of that period, a concept was proposed that remained outside the field of view of modern research. One of the features of the subject of the Soviet concept is the identification of the relationship between reflection and rationality through the connection of rationality with the semantic function of reflection. The subject of modern domestic research is influenced by the Western tradition of studying phenomena. Its characteristic feature is the separate consideration of reflection and rationality in science. The research method is a dialectical-materialistic approach. The peculiarity of the research is the use of internal contradictions of reflection and rationality. The novelty of the work is characterized by the application of the results of Soviet dialectical-materialistic studies of the problems of reflection and rationality in science to the modern analysis of the problem. Using the example of modern domestic research, the dialectical nature of the relationship between reflection and rationality is demonstrated. It is shown that the modern discussion of this problem is in a dialectical context, constituted by the framework of the relationship between reflection and rationality. The idea is expressed that the dialectical method continues to be fundamental and is an adequate way of analyzing the existing understanding of the problem. In particular, dialectical-materialistic methodology contributes to the resolution, in the words of one of the modern researchers, of the "epistemological impasse", which he characterizes the results of the modern study of scientific reflection. In general, the conclusion is made about the productivity of resuming dialectical

research in modern philosophy.

Keywords: methodological function of science, meaning – setting function of reflection, semantic function of reflection, rationality, reflection, the positivist approach, dialectical-materialistic approach, philosophy of science, Russian philosophy, interval approach

References (transliterated)

1. Sverguzov A.T. K voprosu o dialektike nauchnogo poznaniya v otechestvennoi filosofii: problema refleksii // Filosofskaya mysl'. 2023. № 12. S. 83-92.
2. Bazhanov V.A. Ob analize fenomena refleksii v nauke v otechestvennoi filosofii i v sil'noi programme STS // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2022. T. 59. № 4. S. 31-37.
3. Sverguzov A.T. Refleksiya v strukture mekhanizmov nauchnogo poznaniya: avtoreferat diss... k-ta filos. nauk: 09.00.01. Samara: SamGU, 1996. 23 s.
4. Shvyrev V.S., Pugachev N.N. Neopozitivizm // Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Slovar' / sostavители Malakhov V.S., Filatov V.P. M.: Politizdat, 1991. 414 s. S. 202-203.
5. Porus V.N. Kriticheskii ratsionalizm // Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Slovar' / sostavители Malakhov V.S., Filatov V.P. M.: Politizdat, 1991. 414 s. S. 139-141.
6. Tsurkan E.G. Nauchnyi progress, ratsional'nost' i mezhdistsiplinarnost' // Epistemologiya i filosofiya nauki 2023. T. 60. № 2. S. 65-71.
7. Ogurtsov A.P. Al'ternativnye modeli soznaniya: refleksiya i ponimanie // Problemy refleksii: sovremenneye kompleksnye issledovaniya. Novosibirsk: Nauka, 1987. 241 s. S. 13-19.
8. Salosin V.T. Refleksiya i integratsiya nauk // Problemy refleksii v nauchnom poznaniyu. Kuibyshev: KGU, 1983. 160 s. S. 69-72.
9. Kinos'yan V.A. Filosofiya i samorefleksiya nauchnogo poznaniya // Problemy refleksii v nauchnom poznaniyu. Kuibyshev: KGU, 1983. S. 36-40.
10. Kronblith H. *On Reflection*. Oxford University Press, 2012. 177 pp.
11. Ashmore M. Reflexivity in Science and Technology Studies, *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, 2nd edition, vol. 20. Oxford: Elsevier Press, 2015, pp. 93-97.
12. Stolyarova O.E. Filosofskaya refleksiya: epistemologicheskaya problema i ontologicheskoe reshenie // Transtsendental'nyi poverot v sovremennoi filosofii-7. Epistemologiya, kognitivistika i iskusstvennyi intellekt: Sbornik tezisov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21-23 aprelya 2022 goda. M.: RGGU, 2022. 161 c. S. 81-82.
13. Stolyarova O.E. Ob universal'nosti filosofskoi refleksii: otvet opponentam // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2022. T. 59. № 4. S. 50-54.
14. Stolyarova O.E. Kto issleduet issledovaniya nauki i tekhniki? O printsipe refleksivnosti s empiricheskoi i teoreticheskoi tochek zreniya // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2022. T. 59. № 4. S. 21-30.
15. Porus V.N. Sleduet li filosofskaya refleksiya osnovanii nauchnykh issledovanii printsipu empirizma? // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2022. T. 59. № 4. S. 44-49.
16. Dukhanin V.N. Formirovanie sotsial'nogo znaniya. Saratov: SGU, 1983. 141 s.
17. Alekseeva E.A. Ratsional'nost' i soznanie: istoriko-teoreticheskii ocherk problemnogo obosnovaniya ratsional'nosti. Minsk: Nauka i tekhnika, 1991. 93 c.
18. Il'in V.V. Kriterii nauchnosti znaniya. M.: Vysshaya shkola, 1989. 128 c.

19. Stolyarova O.E. O krugovom ponimanii ratsional'nosti i regresse eksperimentatora / O.E. Stolyarova // Voprosy filosofii. 2023. № 10. S. 141-145.
20. Stolyarova O.E. Nauchnyi populizm kak evolyutsiya ratsional'nosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2023. № 74. S. 266-272.
21. Stolyarova O.E. O filosofskoi refleksii s tochki zreniya epistemologii i ontologii / O.E. Stolyarova // Tsifrovai uchenyi: laboratoriya filosofa. 2023. T. 6, № 2. S. 54-67.
22. Stolyarova O.E. Mif nauki – granitsy arkhetipov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2022. № 66. S. 266-274.
23. Agoshkova E.B., Novoselov M.M. Interval'nost' v strukture nauchnykh teorii // Voprosy filosofii. 2013. № 4. S. 44-58yu

The ideas of resentment and bureaucratic unity in the philosophy of social management

Vasiukov Rostislav Viktorovich

PhD in Philosophy

123995, Russia, g. Moscow, ul. Vil'gel'ma Pika, 4

4 Wilhelm Peak str., Moscow, 123995, Russia

✉ rostislawwww@mail.ru

Abstract. The object of research in this article is social management. The subject of the study is the value-motivational component of organizational relations in the context of general cultural, moral, socio-political trends of modern society. The article focuses on the fundamental socio-philosophical and ethical problems and contradictions revealed in such systems of relations as "organization – employee", "manager – subordinate". The article attempts to show the complex moral and political nature of these relations, to use the Nietzschean concept of resentment to describe the sources of some types of organizational conflicts. In addition, the problems of administrative coercion and violence, bureaucratic pressure on the employee's personality come into view. The author of the article generally supports the semantic line of Erich Fromm's "biophilic" concept, which asserts the need to resist the institutional "necrophilic" influence on personality from post-industrial society. The methodological basis of the research consists of the vitalistic ideas of Friedrich Nietzsche, Henri Bergson and Gilles Deleuze, the "biophilic" concept of Erich Fromm, the concepts of the "disciplinary society" of Michel Foucault and the "society of control" of Gilles Deleuze, the genealogical method and the concept of resentment by Friedrich Nietzsche and Max Scheler. The novelty of the research lies in the author's attempt to highlight the value-motivational component of modern organizational relations in its connection with the general cultural, moral, socio-political trends of modern society. A significant place in the study is devoted to the systematic consideration of such urgent problems of social management as organizational conflicts, administrative violence, bureaucratic pressure, and resentment of subordinates. In many ways, the author seeks to combine the theoretical lines of existentialism, postmodernism and poststructuralism in their attempt to uncover the fundamental foundations and trends of post-industrial society and further apply them to the study of social management. The necessity of further research of the influence of the sphere of social management on the spiritual and moral state of the individual and society is shown. The possible anthropological risks of current trends in bureaucratization of various spheres of public life are highlighted.

Keywords: motivation, organizational conflict, society, personality, bureaucracy, resentment, organization, Social management, control, violence

References (transliterated)

1. Bergson A. Dva istochnika morali i religii / Per. s fr.; Primech. A. B. Gofmana. M.: Kanon, 1994. 384 s.
2. Bodriyar Zh. Simulyakry i simulyatsiya M.: Postum, 2015. 240 s.
3. Vinichenko M.V. Effektivnost', kak osnova KPI. Materialy Ivanovskikh chtenii. 2015. № 5. S. 209-216.
4. Gerasimova O.Yu. Dialektika sotsial'nogo upravleniya i samoupravleniya. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. № 6-1 (56). 2015. S. 44-46.
5. Gyugo V. Otverzhennye / per. s fr. M. Vakhterovoi, V. Levika, D. Livshits i dr. M.: Inostranka, Azbuka-Attikus, 2019. 1248 s.
6. Delez Zh. Post scriptum k obshchestvam kontrolya. URL: <https://textarchive.ru/c-2061131.html>.
7. Kafka Polnoe sobranie sochinений. M.: Al'fa-kniga, 2008. 1024 s.
8. Kulishina S.A. Faktory vnutriorganizational'nykh gorizonta'nykh i vertikal'nykh konfliktov nauchnyi elektronnyi zhurnal meridian, 15 (33), 2019. S. 288-290.
9. Nitsche F. K genealogii morali. // Nitsche F. Soch. v 2 t. T. 2. M., 1990. 480 c.
10. Pelevin «Ananasnaya voda dlya prekrasnoi damy (sbornik)». URL: <https://www.litres.ru/book/viktor-pelevin/ananasnaya-voda-dlya-prekrasnoy-damy-439885>.
11. Povorina Elena Vasil'evna. Rotatsiya kadrov kak metod razvitiya personala Materialy Ivanovskikh chtenii, 2016. № 2 (6). S. 123-129.
12. Pushkin A.S. Anchar («V pustyne chakhlo i skupoi...») URL: <https://ilibrary.ru/text/660/p.1/index.html?ysclid=lufvv88m6c201138634>
13. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. M.: Izdatel'stvo AST, 2016. 624 s.
14. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my / Per. s fr. V. Naumova. M.: Ad Marginem Press, 1999. 478 s.
15. Sheler M. Resentiment v strukture moralei. URL: <http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/86/37/>
16. Glover, I. (2000). "Managerialism: the Emergence of a New Ideology", Journal of Management Development, Vol. 19 No. 7, pp. 654-664. URL: <https://doi.org/10.1108/jmd.2000.19.7.654.3>
17. Milgram S. «Behavioural Study of Obedience. Journal of Abnormal and Social Psychology», 1963, vol. 67, № 4.

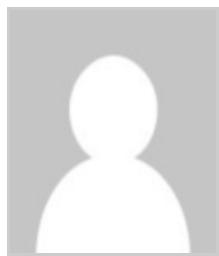
The philosophy of love by Gilles Deleuze

Mikhan Roman Igorevich

Graduate student, Department of Ethics, RUDN University

6 Mikuho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ roman.mikhan@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the consideration of the phenomenon of love in the works of the French philosopher Gilles Deleuze. The article will show the development and change of this concept throughout its philosophical project, as well as the relationship with other philosophical concepts. The article highlights three successive stages in Deleuze's understanding of love. The first stage is the discovery of the Other as a possible world. A number of Deleuze's early works reflect him. In them, you can see how Deleuze builds his phenomenology of the beloved and the Other. He moves from the conflictual consideration of the Other to the inter-monadological theory of the Other. The second stage is the invasion of each other's world. His work "Marcel Proust and the Signs" corresponds to him, where Deleuze is engaged in a more detailed examination of the phenomenon of love through love signs exchanged between a lover and a loved one. Each of them has their own limited point of view, which can lead to misunderstandings. However, interaction with each lover complements the picture of the world and is included in a series of events that determine the point of view of the lover and the beloved. The third stage is the unification of the worlds, which can be found in the joint work with Felix Guattari "A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia". Love can be one of the examples of a "body without organs", it helps to go beyond established boundaries, gives rise to experiments and new practices. However, Deleuze and Guattari separately note the necessary caution in love practice. Considering love in the philosophy of Gilles Deleuze gives us a better understanding of his ethics, his views in relation to Another, helps us understand his general perception of another person as an exponent of an alternative point of view that can enrich and complement our existence.

Keywords: Leibniz, joy, ethics, immanence, a possible world, Another, a wish, love, Gilles Deleuze, phenomenology

References (transliterated)

1. Sartr Zh.-P. Bytie i nicheto: opyt fenomenologicheskoi ontologii. M.: Respublika, 2000. 640 s.
2. Boundas C. Foreclosure of the Other: from Sartre to Deleuze // Journal of the British society for phenomenology. 1993. Vol. 24. No. 1. P. 32-43.
3. Delez Zh. Opisanie zhenshchiny. URL:<https://syg.ma/@nikita-archipov/zhil-dielioz-opisaniie-zhienshchiny> (data obrashcheniya: 24.12.2023).
4. Folkner K. In utero: Delez – Sartr i sushchnost' zhenshchiny // Logos: Molodoi Delez. 2020. T. 30. № 4. S. 25-62.
5. Kerslake C. Desire and the Dialectics of Love: Deleuze, Canguilhem, and the Philosophy of desire // Deleuze and psychoanalysis: Philosophical essays on Deleuze's debate with psychoanalysis / Ed. by L. Bolle. Leuven University Press, 2010. P. 51-81.
6. Reynolds J. Deleuze's other-structure: beyond the master-slave dialectic, but at what cost? // Symposium. 2008. Vol. 12. No.1. P. 67-88.
7. Stark H. Deleuze and Love // Angelaki. 2012. Vol. 17. No. 1. P. 99-113.

8. Delez Zh. Logika smysla. M.: Akademicheskii proekt, 2011. 472 s.
9. Delez Zh. Skladka: Leibnits i barokko. M.: Logos, 1997. 264 s.
10. Delez Zh. Izrecheniya i ochertaniya. URL:<https://syg.ma/@nikita-archipov/zhil-delyoz-izrecheniya-i-ochertaniya> (data obrashcheniya: 24.12.2023).
11. Delez Zh. Marsel' Prust i znaki. SPb.: Aleteiya, 1999. 190 s.
12. Jones G. Marcel Proust // Deleuze's Philosophical Lineage II / Ed. by G. Jones, J. Roffe. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. P. 95-120.
13. Barker J. Love, language and the dramatization of ethical worlds in Deleuze // Deleuze Studies, 2016. Vol. 10. No. 1. P. 100-116.
14. Durán C. Un amor superficial. Una aproximación al amor en Gilles Deleuze // Aufklärung. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 11-24.
15. Smith D. G.W.F. Leibniz // Deleuze's Philosophical Lineage / Ed. by G. Jones, J. Roffe. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. P. 44-66.
16. Delez Zh. Spinoza i problema vyrazheniya. M.: Institut Obshchegumanitarnykh issledovanii, 2014. 320 s.
17. Delez Zh. Razlichie i povtorenie. SPb.: Petropolis, 1998. 384 s.
18. Protevi, J. Love // Between Deleuze and Derrida / Ed. by P. Patton, J. Protevi. London: Continuum. 2003. P. 94-182.
19. Delez Zh., Gvattari F. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007. 672 s.
20. Delez Zh., Gvattari F. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.
21. Adkins B. Deleuze and Guattari's A thousand plateaus: A critical introduction and guide. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. 190 p.
22. Gray C. Love at the Limits: Between the Corporeal and the Incorporeal // Deleuze and Guattari Studies. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 469-485.
23. Holland E. W. Deleuze and Guattari's A thousand plateaus: A reader's guide. A&C Black, 2013. 265 p.
24. Watson J. Intimacy without domestication: Courtly love in a Thousand Plateaus // L'Esprit Créateur. 2004. Vol. 44. No. 1. P. 83-95.